

не откладывая жизнь на завтра!

• БАРБАРА • ФРИТТИ

Две тайны, три сестры

АБСОЛЮТНЫЙ
БЕСТСЕЛЕР
THE NEW YORK TIMES

Много ли авторов, которые разом удовлетворят потребности женщин в романтике, драйве, любви и неспешной семейной саге? Мы знаем такого одного — Барбара Фритти.

The New York Times

*Р.Д. Давыдов
мск*

Барбара Фритти

Две тайны, три сестры

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6717416

Барбара Фритти. Две тайны, три сестры: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-76304-7

Аннотация

Влиятельный репортер Тайлер Джеймсон выясняет, что победительница кругосветной парусной гонки Кейт Маккена пережила что-то страшное во время шторма, когда вместе с отцом и двумя младшими сестрами уже почти добралась до финиша. Тайлер подозревает, что эта история связана с его родными, поэтому решает докопаться до истины, несмотря на категоричный отказ Кейт что-либо говорить. Когда он начинает подбираться к разгадке через ее отца и менее бдительных сестер, Кейт решает во что бы то ни стало остановить его...

Ранее роман издавался под названием «Летние секреты».

Содержание

Пролог	5
1	6
2	17
3	29
4	38
5	48
6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Барбара Фритти

Две тайны, три сестры

Barbara Freethy

SUMMER SECRETS

Copyright © 2011 Barbara Freethy

Ранее роман издавался под названием «Летние секреты»

Перевод с английского *В. Копейко*

© Копейко В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

**СУДОВОЙ ЖУРНАЛ ГОНОЧНОЙ ЛОДКИ «МУН ДАНСЕР», 10 ИЮЛЯ.
ВЕТЕР: 40 УЗЛОВ, ПОРЫВЫ ДО 65 УЗЛОВ. СОСТОЯНИЕ МОРЯ: НЕСПОКОЙ-
НОЕ, БУРНОЕ. ПРОГНОЗ ПОГОДЫ: ДОЖДЬ, ГРОЗА**

Кейт МакКенна до боли в пальцах стиснула шариковую ручку.

Одна высокая волна легко, словно игрушку, подхватила «Мун Дансер» и тут же перебросила следующей.

В судовом журнале не отражалось того, что происходило с экипажем лодки на самом деле. Ни слова о трудностях, горестях и опасностях, с которыми они столкнулись за многие месяцы гонки. Не было на его потрепанных страницах и никаких секретов. Кейт хотела бы написать о них, но не могла. Отец дал четкие инструкции: ничего, кроме фактов. Она не должна была никому рассказывать о своих чувствах, о том, как она дрожала, мечась по каюте, что пережила.

Погода резко поменялась, барометр падал. Надвигался сильный шторм. Если они сойдутся с курса, то потеряют драгоценное время, и отцу это не понравится. По последним данным, сейчас они идут в гонке на втором месте и полным ходом устремляются в яростно бушующее море.

Кейт слышала, как по-волчьи тоскливо начинает завывать ветер. Она знала, что платой за жизнь в эту ночь будет самый настоящий ад. Нервы у всех на пределе. Как бы она хотела, чтобы ничего этого не было. Если бы только можно было просто взять сестер за руки и отправиться домой, но нет – их дом на другом краю океана.

– Кейт, быстро сюда! – откуда-то издалека раздался окрик.

Когда девушка оказалась на палубе, сила шторма потрясла ее. Ветер швырнул в лицо брызги с такой мощностью, что, казалось, едва не содрал с него кожу. Она должна идти и помочь отцу спустить паруса. Но все, на что Кейт была сейчас способна, – это стоять в оцепенении и не отрываясь, замороженно смотреть на приближающуюся волну. Стена воды примерно сорок футов¹ высотой, не меньше, продолжала расти. Еще одна такая волна – и их суденышку конец. Как им выжить?

И если они погибнут, узнает ли кто-нибудь правду об этой кругосветной гонке?

¹ Фут (в английской системе мер) – 0,305 м; 40 футов – больше 12 метров.

1

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

– Могучие порывы ветра поднимали такие высокие валы, будто свирепый дракон погрузился в океанские воды. Казалось, он скрылся в темных глубинах и притаился, ожидая, когда следующий матрос окажется слишком близко к его любимым драконам-малышам. У-у... Тут и сказочке конец, а кто слушал...

Кейт МакКенна лукаво прищурилась, обводя взглядом лица своих юных слушателей. Ребята, в возрасте от трех до десяти лет, сидели на пухлых подушках, разбросанных прямо на полу в уютном уголке ее книжного магазина «Фантазия». Дети приходили сюда на часок три раза в неделю, чтобы послушать рассказы, которые читала им Кейт, или сказки, которые она сочиняла сама. Рассаживаясь, самые маленькие щебетали, шумели, толкались, но как только начиналась история, все замирали, захваченные сюжетом. Вообще-то эти занятия с детьми не приносили заметного дохода ее бизнесу – продаже книг, но доставляли Кейт огромное удовольствие.

– Мисс МакКенна, а расскажите еще что-нибудь, ну еще... – канючила маленькая девочка, сидевшая рядом с ней.

– Еще чуть-чуть, – хором поддержали остальные.

Как обычно, соблазн уступить «галчатам» был велик, но настенные часы показывали уже без пяти минут шесть, а Кейт в эту пятницу очень хотелось закрыть магазин вовремя. Неделя выдалась длинная, напряженная, а нужно было еще распаковать товар перед выходными, когда нахлынут туристы.

– На сегодня все, – решительно объявила она, вставая.

Дети не хотели уходить, но в конце концов магазин постепенно опустел. Кое-что из книг, уже на пути к выходу, купили мамы, уводящие своих малышей.

– Замечательная история, – похвалила Тереза Делантони. – Ты сочинила ее сама или прочитала где-нибудь?

– И то и другое, – кивнула Кейт своей помощнице. – Отец много рассказывал нам о морских драконах. А однажды мы плыли недалеко от Карибов, и вдруг нам всем показалось, что море загорелось. «Драконы, – подумала я. – Ну, точно такие, как рассказывал отец». Как бы не так! Оказалось, что это фосфоресцирующие водоросли. Но нам с сестрами, конечно, больше нравилась версия об огнедышащем драконе.

– Да уж, романтическая ты натура.

– Признаюсь, это моя слабость.

– Что касается романтики... – Тереза улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки, которые преобразили уставшее, осунувшееся лицо молодой женщины, придав ему по-детски умильное выражение, – между прочим, у меня сегодня годовщина свадьбы. И мне надо бежать прямо сейчас. Я обещала, что не задержусь допоздна. Наша няня может отпустить нас только на пару часиков. – Тереза замешкалась, прежде чем взять свою сумочку из-за прилавка. – Извини, мне не хочется оставлять тебя с этими не распакованными коробками...

– Но ты это сделаешь. – Кейт дружески подтолкнула помощницу к двери. – Иди! Не думай о работе. Ты заслужила романтический вечер со своим любимым мужем.

Тереза снова улыбнулась.

– Спасибо. Знаешь, восемь лет брака и рождение двоих детей – это настоящее испытание! Я кручусь как белка в колесе и даже иногда забываю, как мне повезло в жизни.

– Ты счастливая, это правда, – подтвердила Кейт.

– Знаешь, а ведь и ты прекрасно управляешься с детьми! Пора бы уже подумать о собственных.

– Опять ты начинаешь... Легко быть волшебницей на час.

– Бр-р-р, – поежилась Тереза, когда Кейт распахнула дверь магазина. Застегнув «молнию» на куртке, Тереза шагнула за порог. – Ветер усиливается.

– Дует с юго-запада, – машинально отметила Кейт и по привычке оттарабанила: – Узлов двенадцать-пятнадцать. Надвигается шторм. Начнется часов через шесть. Не забудь взять зонтик, дорогая.

– Ну, ты, как всегда, точнее всякого бюро прогноза погоды! – засмеялась Тереза. – Не задерживайся допоздна, ладно? А то люди заподозрят, что у тебя нет никакой личной жизни.

Кейт с нежностью посмотрела на подругу.

– У меня прекрасная жизнь.

Тереза, ничего не ответив, засеменила к своей машине.

– У меня просто великолепная жизнь, – повторила Кейт, помахав рукой вслед отъезжающему автомобилю. В конце концов, она живет в Каслтоне, в одном из самых красивых мест в Соединенных Штатах и даже в мире. Городок расположился на большом острове, который входит в архипелаг Сан-Хуан, состоящий из нескольких сотен островов близ побережья штата Вашингтон.

Из окон ее книжного магазина на северном конце Пасифик-авеню открывается потрясающий вид на залив Пьюджет-Саунд. Мощеная улица, длиной в две мили, на которой стоит магазинчик Кейт, устремляется к оживленному причалу Роуз-Харбор. Ежегодно в июле причал заполняют лодки – участницы ежегодных Каслтонских парусных гонок.

Остров известен своей строгой первозданной красотой: холмами, поросшими вечно-зелеными елями, пустынными песчаными пляжами, растянувшимися более чем на сотню миль². Связь с другими островами поддерживается с помощью паромной переправы Вашингтон-Стэйт-Ферри, хотя многие предпочитают пользоваться своими собственными лодками. Кроме того, в аэропорту города могут приземляться небольшие частные самолеты.

Из-за непредсказуемых юго-западных ветров вдоль пляжей острова всегда возникали опасные течения, которые, устремляясь к гавани, нередко выбрасывали лодки на берег. Но никаким ветрам не под силу остановить корабли и удержать «морских волков» на суше.

Разговоры о парусах и о штормах можно услышать в любом ресторане, кафе, доме и даже офисе Каслтона. И это понятно – на причале эллингов³ больше, чем машин на парковке в центре города.

Каслтонцы, конечно, жили не только морем, но все их бытие было пронизано его романтикой.

Кейт нравились широта и простор набережной, но еще больше она любила живописный вид из окон своего дома, скромно приютившегося в горах. Она ценила неизменное постоянство этого пейзажа. Кому-то, возможно, серые камни и дикая поросль показались бы скучными, но ее успокаивало созерцание застывших горных склонов.

Легкий, обманчиво ласковый воздушный поток разворошил непослушные волосы на плечах девушки. Кейт схватила его ноздрями и почувствовала, как настроение ее изменилось. Ее охватило беспокойство. Ветер в ее жизни всегда обещал перемены. Отец Кейт, Дункан МакКенна, моряк от макушки до пят, наслаждался, ощущая начало грозы или нового путешествия. Много раз в своей жизни она видела, как отец вскакивал, уловив отдаленное дыхание моря. Лицо его расплывалось в улыбке, обветренные щеки розовели, когда он

² Мили – 1,609 км.

³ Здесь: эллинг – сооружение на берегу моря, оборудованное для хранения и мелкого ремонта судов, весел и другого инвентаря.

стоял на палубе своей лодки, широко расставив крепкие ноги и подняв крепко сжатый кулак. Янтарные глаза зорко всматривались в далекий горизонт. «Ветер – это дело, Кэти, – приговаривал он. – Пора отправляться, девочка».

И они собирались в путь, подхваченные ветром. Они плыли под ветром, вместе с ветром, против ветра. Они злились на ветер, когда он дул слишком сильно, и плакали от отчаяния, когда он исчезал вовсе. Ветер всегда влиял на ее жизнь, изменял ее, управлял ею. Порой доверчивая Кейт считала его закадычным другом, но чаще вероломным чудовищем. Но сейчас уже нет. Это все в прошлом.

Теперь у нее есть дом, постоянный адрес, почтовый ящик, сад. Много лет прошло, прежде чем она поняла, что могла бы жить у воды, но не на воде. С некоторых пор ветер для Кейт – не больше, чем причина надеть еще один шерстяной свитер ручной вязки или съесть тарелку горячего супа на обед. Приближающийся шторм вовсе не означает, что ее жизни грозят перемены. Почему же она сама не может в это поверить?

Из-за гоночных лодок.

Суда начали заходить в гавань на прошлой неделе, по несколько каждый день, одна лодка ярче другой, и каждая следующая больше и лучше прежней. Воздух искрился особой энергией, волнением, которое сопровождает человека, готового к приключениям и жаждущего достичь цели, невзирая на преграды.

До начала ежегодных состязаний осталось несколько дней, уже в следующую субботу стартует самая грандиозная и самая яркая гонка вокруг острова под названием «Каслтон Инвитэйшнл». А еще через два дня лодки должны будут снова уйти, чтобы участвовать в гонках в Сан-Франциско, а потом на Гавайи, где состоится Тихоокеанский кубок. Моряки будут соревноваться в разных дисциплинах и соперничать друг с другом в индивидуальных испытаниях. В итоге победит кто-то один.

Кейт не понравилось направление собственных мыслей. Ей не хотелось думать о лодках или об этих чертовых гонках. Десять дней. «Все закончится через десять дней», – напонила она себе, вернулась в магазин и закрыла за собой дверь.

Проведя большую часть жизни на острове, она не утратила способность видеть красоту своего родного края и легко могла понять удовольствие туристов, морских путешественников и рыбаков, с интересом наблюдающих за китами и дельфинами. Но разделить страсть гонщиков, фанатичных моряков, которые жили ради того, чтобы сражаться с океаном, покорять новые моря, – это было выше ее сил. Кейт знала этих мужчин и женщин слишком хорошо. Было время, когда она сама была одной из них.

Звякнул дверной колокольчик, и его мелодичный звон смешался с гулом ветра. «Разве я не закрыла дверь?» – из подсобки Кейт поспешила в торговый зал. В магазин вошел мужчина, одетый в брюки цвета хаки и темно-синюю рубашку поло. Он двигался свободно, от его облика так и веяло силой и уверенностью. Посетитель приблизился к стойке, и под взглядом его синих глаз Кейт ощутила, как в ушах застучали молоточки, а ее пульс сплясал джигу. «Сколько раз себе говорила: если подождут немного, ничего страшного не случится», – переводя дыхание, Кейт распрямилась. Незнакомые люди и давние посетители, которые стали ей настоящими друзьями, входили в магазин постоянно – они спрашивали книги, карты, информацию об острове, – но, пожалуй, ни один из них никогда не вызывал в ней подобную реакцию. «Может быть, Тереза права? В моей жизни определенно чего-то не хватает».

– Здра-а-авствуйте.

Уловив протяжный акцент, Кейт гадала, откуда он. Южанин? Техасец? Она не могла определить это с полной уверенностью, но в том, что посетитель прибыл издалека, сомнений не было.

– Здравствуйтесь, – отозвалась она. – Я могу вам чем-то помочь?

– Очень надеюсь.

– Держу пари, вам нужны инструкции по проведению гонок, а не последний бестселлер.

Мужчина улыбнулся и с любопытством посмотрел на нее.

– Почему вы так решили?

– Вы не похожи на человека, который путешествует, не вылезая из мягкого кресла с клетчатым пледом.

– Вы можете определить это по внешнему виду?

Кейт пожала плечами.

– Думаю, что да.

– В моем случае вы ошиблись. Мне не нужны инструкции.

– Неужели? Значит, вам нужна книга о парусном спорте?

– Опять мимо.

Кейт придирчиво разглядывала его. Войдя в магазин, мужчина ни минуты не стоял спокойно: он переступал с ноги на ногу, постукивал пальцами по прилавку – незнакомец походил на человека, который не может сидеть без дела, даже если смертельно устал. Едва ли он из тех, кто любит расслабиться с чашечкой кофе и с хорошей книгой в кресле.

И все-таки он пришел в книжный магазин, это факт. А раз явился сюда по собственной воле, стало быть, на то есть причина.

– Я догадалась! – победоносно вскрикнула Кейт, подняв указательный палец. Оставалась всего одна причина, которая могла привести мужчину в ее магазин. – Вам нужна книга для подарка. Тете Салли или кузине Мэри, или вашей умнице-подружке, про чей день рождения вы только что вспомнили, – хозяйка магазина явно была рада продемонстрировать свое умение выигрывать викторины.

Он рассмеялся.

– Нет никакой тети Салли. Нет кузины Мэри. И, к сожалению, подружки тоже на данный момент нет.

– Ой, как интересно. Тогда чего же вы хотите? – сочувственно поинтересовалась Кейт.

– Я кое-кого ищу.

– Все мы «кого-то» ищем...

– Вы очень сообразительны.

– Спасибо. И кто же вам нужен? – Она была заинтригована.

Мгновение посетитель колебался, и затянувшаяся пауза заставила Кейт напрячься. Эта заминка и изучающий взгляд, замерший на поникшем лице. Прошло восемь лет – неужели кто-то снова приехал искать ее? Папарацци, спортивных комментаторов, журналистов, профессиональных ищек она научилась определять с первого взгляда, и было не похоже, чтобы этот человек явился сюда из корыстных целей. Каковы шансы? Миллион к одному.

– Женщина, – медленно проговорил он.

Кейт облизала пересохшие от волнения губы, она старалась спокойно выдержать его долгий, пристальный взгляд.

– Думаю, что я нашел ее, – добавил мужчина.

Она молчала.

– Это вы, не так ли? Кейт МакКенна? – Он удовлетворенно потер руки. – Старшая из сестер в неустрашимой четверке, которая мчалась вокруг света на паруснике. Я вас узнал по фотографии.

– А кто вы?

– Тайлер Джеймисон. – Он протянул руку.

Не глядя ему в глаза, Кейт ответила кратким пожатием.

– Что вы хотите?

– Услышать вашу историю.

– Вы репортер?

Ей было горько, но все-таки пришлось признаться себе, что она оплошала. Когда-то она могла вычислить журналиста за квартал. Но после пары лет передышки оказалась слишком самонадеянной. Что ж, придется перестроиться.

– Не могу представить себе, зачем я вам понадобилась. Гонка была так давно.

– Восемь лет назад. Вам сейчас двадцать восемь, не так ли?

Чтобы выиграть немного времени и настроиться на разговор, Кейт вышла из-за стойки, подошла к двери и повернула табличку надписью «Закррито». Если бы она сделала это на пять минут раньше, мужчина не вошел бы в магазин. Конечно, это вовсе не означает, что он не вернулся бы сюда завтра прямо с утра. Этот тип такой упрямый и настойчивый, сразу видно. Кейт показалось, он из тех, кто обычно получает то, что хочет.

– Я хотел бы написать о том, что стало с одной из самых интересных команд в истории парусных океанских гонок, – невозмутимо продолжал Тайлер. – Было бы хорошо связать этот материал с предстоящими гонками.

– Мистер Джеймисон, я больше не участвую в гонках, но я уверена, что вы сможете найти интересных гонщиков и поговорить с ними. Например, Морган Хант. Он соревновался с лучшими из лучших в гонке между Сиднеем и Хобартом в прошлом году и может рассказать вам такие истории, что у вас дыхание перехватит.

– Спасибо, мисс МакКенна, буду иметь в виду. Но я хотел бы начать с вас и ваших сестер. И вашего отца.

«О, да! Дункану МакКенна это бы понравилось – вот уж кто обожал быть в центре внимания! Но одному Господу известно, что эта горячая голова может рассказать. Да первое, что на ум придет, то и на языке появится. Особенно если его язык развяжется от нескольких пинт пива, которое, без всякого сомнения, чудесным образом появится в тот момент перед ним на столе». Впрочем времени обдумать отступление у нее не было.

– Мой отец любит говорить о прошлом, – Кейт старалась говорить убедительно, – но он как те рыбаки, которые чем больше рассказывают, тем крупнее их улов. Едва ли вам стоит верить тому, что услышите от него о гонке.

– А как насчет вас? Вы расскажете мне, что было на самом деле?

– Конечно. – Она пожала плечами, надеясь, что у нее это получилось непринужденно. – Плавание было вполне ординарным. Несколько дней было ветрено, несколько дней – жарко. Погода не отличалась постоянством: ветры то крепчали, то стихали. Одна неделя перетекала в другую, все одно и то же. Еда – вот что было совершенно ужасно. Моря пугали нас коварством. Звезды всегда были фантастические. Кажется, вот и все.

– Коротко и ясно, – резюмировал Тайлер. – Но я уверен, что вы можете описать гонку куда подробнее и образнее, чем сейчас, мисс МакКенна. Женщина, которая ценит книги, способна рассказывать по-другому. Гораздо лучше.

– Хочу заметить, что я только продаю книги, а не пишу их, – возразила Кейт. – Кроме того, опубликованы десятки статей о той гонке, их печатали несколько недель подряд после нашего возвращения. Все, что следовало сказать, уже сказано. Если вам интересно, я уверена, вы найдете информацию в Интернете или в библиотеке. – Прежде чем задать самый волнующий ее вопрос, она неуверенно помолчала. – Вы пишете статью для специального журнала по парусному спорту?

– Я свободный художник. Сам выбираю тему, которая меня увлекает.

Кейт нахмурилась. «Здорово. Просто великолепно. Еще один человек, которого гонит ветер».

– Да у меня нет никакой особенной истории. Я не ищу приключений ради самих приключений. Полнота жизни не обязательно связана с преодолением стихий – работа ради достижения более верной и важной цели украшает жизнь по-настоящему. На этом острове

очень тихо и спокойно. Мне удалось открыть книжный магазин, но сами видите, это не оживленный центр торговли.

Она обвела рукой комнату, указывая на пустые удобные кресла у окна, на полки, где были аккуратно расставлены книги о чудесах и приключениях, о тайнах мира, детективы, романы о любви, сказки для детей и, конечно, популярные книги по мореплаванию.

Хотя Кейт попыталась принизить значимость своего магазина для города, она все-таки не смогла скрыть затаенного чувства гордости, которое охватывало ее всякий раз, когда она оглядывала помещение, вспоминала, как тщательно и неспешно обставляла детский уголок, вникая в трудности развития детей и учитывая рекомендации психологов. Она превратила книжный магазин в гостеприимный дом вдали от своего домашнего очага, в приятное убежище от северного ветра. Было нелегко начинать бизнес с нуля. Но как бы то ни было, она это сделала.

– Хорошо, – кивнул Тайлер. – От участницы парусных гонок к владелице книжного магазина. Захватывающее путешествие. Расскажите о нем.

– Это совсем неинтересно. Поверьте мне.

– Вы не хотите отвечать на мои вопросы. Уклоняетесь... Почему?

– Да ничего подобного! Не увиливаю, не уклоняюсь, не петляю... – возразила Кейт со смехом, который, как она сама ощутила, прозвучал несколько натужно и нервно. – Вы заставляете меня снова стать тем гадким утенком, неловким подростком, каким была во время гонки. Сейчас я взрослый самостоятельный человек. Что в этом подозрительного? Мне не очень-то хочется ворошить старое. Правда, ничего особенного в той гонке не было.

– Это была необычная гонка. Большинство людей, которые побеждают в океанских гонках, опытные моряки – их спонсируют крупные корпорации, их парусники стоят миллион долларов. Но семейный экипаж МакКенна – отец и три совсем юные девушки – обошел всех и в трудной борьбе вырвал у них победу. Не могу понять, почему вы не хотите рассказать об этом? Должно быть, это самое грандиозное и самое запоминающееся событие вашей жизни.

– Да-да, было минут пятнадцать славы, но давным-давно. Наша гонка отличалась от других. В ней участвовали не только представители крупных корпораций, но и моряки-любители, страстно увлеченные парусным спортом и жаждущие приключений. Гоночный мир с тех пор сильно изменился. Никому не интересно, что произошло с нами.

– Мне это важно, – возразил Тайлер.

– Почему? – Что-то в нем настораживало, вызывало недоверие. Какая-то недосказанность. Этот мужчина казался слишком уверенным, слишком целеустремленным, чтобы просто так, из любопытства, ворошить прошлое. – Почему это вас так интересует?

– Сильная воля, упорство и вера в себя, которые способны продемонстрировать люди в трудную минуту, вызывают у меня искреннее уважение. Люблю писать об искателях приключений – обычных людях, которые совершают необычные поступки. Меня увлек сюжет о трех девочках и их отце, которые в океанских водах сражались не только с другими гонщиками, но и со стихией, айсбергами, пятидесятифутовыми волнами. Я читал отчеты других участников того соревнования, и особенно меня поразили подробности страшного шторма на предпоследнем этапе гонки. Не могу себе представить, через что вы прошли!

В голосе незнакомца сквозил неподдельный интерес, но почему именно сейчас, спустя столько лет, ему захотелось выведать подробности той давней гонки? Почему этот мужчина явился к ней из ниоткуда? Не похоже, чтобы его кто-то прислал, чтобы он на кого-то работал.

– Ваше лицо мне кажется знакомым, – сказала она, всматриваясь в его резкие черты. – Где я могла видеть вас раньше?

– Просто я не яркий, а значит, похож на всех сразу. Обычный среднестатистический Джо. – Тайлер сделал паузу. – Итак, вы расскажете мне о той гонке? Или мне лучше найти ваших сестер Эшли и Кэролайн и расспросить их?

А вот это уже был запрещенный прием. Кейт не могла допустить этого. Ей следует избавиться от него. Но как?

– Вы озадачены, – заметил Тайлер. – Я слышу скрип и скрежет – это крутятся шестеренки у вас в голове.

– Не говорите глупости, – огрызнулась Кейт. – У меня куча дел. До завтра мне надо распаковать коробки с книгами, поэтому боюсь, нам придется отложить наш разговор на потом.

Зазвонил телефон, она потянулась к нему через стойку, мысленно поблагодарив за своевременность звонка. Можно вздохнуть свободнее, сделать перерыв в сложном разговоре.

– Магазин «Фантазия», – приветливо откликнулась она.

Сердце Кейт сжалось, когда на другом конце линии раздался знакомый голос. Звонил Уилл Дженкинс из бара «Устрицы», что на набережной, любимого прибежища ее отца.

– Как он? – Ответ на этот вопрос заставил ее сердце не просто подпрыгнуть, а прямо-таки заклокотать в груди. – Сейчас приеду. Да, знаю я, знаю. Спасибо, Уилл.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался Тайлер, когда она повесила трубку.

– Нет. – Кейт открыла ящик, достала кошелек и ключи. – Извините, я спешу. Я должна идти, а значит, и вы тоже.

– Кто вас расстроил, Кейт? На вас лица нет.

– Я в порядке.

Ноги не слушались Кейт. Как на ходулях, с видом обреченного на смерть, она подошла к двери и открыла ее. Холодный ветер дохнул на нее, кожа на руках тотчас покрылась «гусиной кожей». В воздухе чувствовались перемены. И в ее окружении, кстати, тоже.

– Послушайте, вы неважно выглядите. Кто-то заболел? – Тайлер ждал, пока она запирает дверь магазина. – Я могу помочь?

подавив мимолетное желание поплакаться на сильном плече, Кейт напомнила себе, что этого мужчину следует держать на расстоянии. Он репортер. Ему не нужны твои заботы, он озабочен лишь сбором материала для статьи.

– Спасибо, как-нибудь обойдусь без вашей помощи. Отправляйтесь домой. А еще лучше – возвращайтесь туда, откуда вы явились, – процедила она сквозь зубы.

– Благодарю за совет, но я планирую задержаться здесь на некоторое время. В городе полно моряков – уверен, кто-то из них согласится поговорить со мной.

– Как хотите.

Кейт поспешила к машине, припаркованной за магазином. Еще пару часов тому назад она понятия не имела о существовании этого человека – и вот уже Тайлер Джеймисон оказался для нее самой настоящей проблемой! Сейчас ей некогда думать об этом, у нее есть дела поважнее, но позже... Она включила зажигание и сняла машину с тормоза. Маленький «Фольксваген Джетта» дрогнул под порывом ветра. Отец часто повторял, что, если не можешь овладеть ветром, убеги от него. У Кейт возникло такое чувство, что кто-то собирается вовлечь ее в дикую гонку.

– Еще пива, – громко потребовал Дункан МакКенна. Его большой кулак неуверенно опустился на барную стойку. Он собирался ударить так сильно, чтобы стаканы подпрыгнули до потолка, но не смог – он слишком устал. – Было время, когда человек мог получить здесь пива вдоволь, Уилл.

Бармен закончил вытирать стаканы на другом конце барной стойки.

– Ты уже выпил свою норму, Дункан. Сегодня вечером больше ничего не получишь. Отправляйся домой, приятель, и проспись.

Проспись? Не может он спать. Уже давно не может. Он способен заснуть сейчас прямо на высоком стуле, как одинокий драчливый петух на жерди, – когда выпитый алкоголь затуманит разум, Дункан на несколько часов мог обрести покой. Но такое в последнее время случается нечасто.

– Черт поberi, Уилл, мне надо выпить. Парень, пойми, чертовски надо.

Дункан с удивлением слышал свой изменившийся чужой голос, улавливал искреннее и потому горькое отчаяние в этом голосе, но ничего не мог с этим поделать. Жажда копилась в нем весь день и становилась сильнее, ожесточеннее, когда он наблюдал, как еще одна лодка, следом за предыдущей, входила в гавань. Каждая из них – это мечта о путешествии, о гонке, в которую предстоит отправиться и выиграть. Это его мир. Боже, как он тосковал. Тосковал по высоким волнам, по шквалистому ветру. Тосковал, вспоминая, как адреналин вскипал в крови, как ломило спину, как потели ладони... Все его существо тогда – тело и душа – было подчинено одной мысли – выиграть любой ценой. Он жаждал гонки. Только она могла снова придать его жизни смысл.

– Мне надо выпить, – упрямо промямлил он.

Уилл прошел вдоль стойки и окинул своего давнего завсегдатая тяжелым жестким взглядом.

– Это не доведет тебя до добра, Дункан. Я позвонил Кейт, она уже едет.

– Зачем, черт тебя дерит, ты вызвал ее?

– Потому что пора домой. Ты просидел тут весь день.

– Не твоё дело! Я сам могу добраться до дома. – Дункан попытался встать, но помещение бара завертелось перед глазами, он опустился на место и ухватился за край стойки.

– Конечно, можешь, – сухо бросил Уилл. – А пока сделай милость, посиди и не вставай.

– Я буду делать только то, что хочу, – огрызнулся Дункан. – Ты знаешь, с кем ты разговариваешь? Я помотался вокруг света и вернулся. Я выиграл эту чертову кругосветку Уинстона. Никто подумать не мог, что мы дадим всем фору. Но мы, я с моими девочками, всех их сделали. – Он умолк и устало вздохнул. – Мы оказались лучше всех, Уилл. Самыми лучшими. Мои девочки были мужественными, как и их старик. Они сражались, как волчицы, но не сдались. И я не сдался. МакКенна не сдаются.

– Да-да, я знаю.

Уилл на самом деле был осведомлен лучше других, потому что все это уже слышал не раз. Он был лишь на несколько лет моложе Дункана, но уже больше двадцати лет стоял за барной стойкой и управлял баром. Дункан никак не мог взять в толк, какая человеку радость сидеть на одном месте столько времени. Двадцать лет назад у Уилла была пышная шевелюра, поджарая фигура и девушки выстраивались в очередь, чтобы пофлиртовать с ним. Теперь Уилл был совсем лысый, мог поучаствовать в конкурсе пивных брюшков, да к тому же был женат на библиотекарьше. Ад, а не жизнь, но он сам себе ее выбрал.

Уилл отошел обслужить клиента, сидевшего в другом конце бара. Дункан осмотрелся по сторонам и краем глаза приметил за столиком неподалеку женщину. В его голове шумел океан, в висках стучало, но, когда он увидел знакомый силуэт, перед его слезящимися глазами будто промелькнула голубоватая вспышка молнии. Казалось, женщина почувствовала его лихорадочный взгляд и повернулась, на ее волосы упал луч света. У Дункана перехватило дыхание – рыжие волосы с огненным оттенком, цвета пламени. «Элеонора» – мелькнуло в воспаленном мозгу, хотя Дункан и понимал, что это невозможно.

У его возлюбленной Норы были волосы такого же цвета, а глаза такие синие, что мужчины в них тонули, падая в пучину, как в Маракотову бездну. У него самого сорвало крышу, когда он впервые увидел ее. Однажды он вошел в бухту под парусом, а на причале в простеньком белом летнем платье стояла девушка – стройная, длинноногая... Спасительный маяк на фоне безоблачного синего неба. Внутри все скрутило до боли. Одиннадцать лет

Норы нет на этом свете, но он все еще скучает по ней. На сердце лег такой тяжелый камень, что Дункану снова захотелось выпить.

«Мне надо забыться. Больше мне ничего не надо. А вообще-то я хочу... много чего...»
– Папа.

Он попытался сфокусировать взгляд, но комната вертелась у него перед глазами, все расплывалось. «Во всем виновата проклятая бутылка», – сказал себе Дункан, но, когда тыльной стороной руки провел по глазам, она оказалась мокрой.

– Ты в порядке, пап? – спросила Кейт, с тревогой глядя на одутловатое лицо.

«Кейт, девочка моя, ты так похожа на Нору – у твоей матери были такие же глаза. Но волосы у тебя светлые, а кожа смуглая с золотистым оттенком, как у настоящей рыбачки. А куда делись твои крохотные прелестные веснушки, рассыпанные по всему носу, как солнечные зайчики на палубе в погожий денек? Такие были у моей любимой. Дочка и мать, но такие разные. Нора умела любить без колебаний. А Кейт... Ну что ты нахмурилась? Лицо моей Кейт волевое, а подбородок такой же упрямый, как у меня».

– Лодки идут и идут, Кэти, девочка. Ветер задувает. Понимаешь, что это значит? Ты знаешь, где мы должны быть?

– Не сегодня, па, – грубо оборвала его Кейт.

– Ты больше не хочешь выходить в море. Но я не помню... Я не знаю почему. – Дункан сокрушенно потряс головой, пытаясь сосредоточиться, но голова будто налилась свинцом, мозги не соображали. – Что случилось с нами, Кэти?

– Хватит. Пойдем домой.

«Домой? А где мой дом?»

После того как эйфория от победы в гонке прошла, ему пришлось продать «Мун Дансер» – это почти разбило его сердце. Теперь Дункан, возненавидевший берег после смерти жены, жил на маленьком старом паруснике. Он хотел назвать свою старую потертую лодку «Нора», но не мог заставить себя написать это имя на борту. Нора вряд ли гордилась бы этой лодкой или своим мужем. Кейт и вовсе презирает его.

– Прости меня, Кэти. Ты знаешь, как мне жаль, да?

– Ты всегда раскаиваешься и просишь прощения, когда пьян. – Кейт протянула отцу руку. – Давай, я помогу тебе добраться до дома.

– Но я не могу сейчас уйти, детка. Я рассказываю Уиллу о нашей гонке.

– Он уже слышал много раз. Простите, Уилл, – сказала Кейт.

– Все нормально, – ответил Уилл.

– За что ты извиняешься? – Язык плохо слушался захмелевшего хозяина, но душа требовала справедливости. – Я не сделал ничего дурного. И я твой отец, забыла? Нечего за меня краснеть.

Дункан с шумом вскочил на отекавшие ноги, желая показать дочери, что он больше, сильнее и старше ее, но от резкого движения покачнулся. Кейт протянула руку, чтобы поддержать отца. Тот хотел дернуть плечом и сбросить ее руку. Но не смог. «Вот цепкая какая... Дай только продышаться... Я...» Он стоял, покачиваясь, стараясь восстановить дыхание и равновесие.

– Вам помочь? – тихо поинтересовался какой-то высокий мужчина.

Прежде чем Дункан успел ответить, Кейт спросила:

– Что вы здесь делаете?

– Заглянул в местный бар пропустить стаканчик-другой пивка.

– Нельзя винить человека за то, что он хочет выпить, Кэти, девочка, – миролюбиво заключил Дункан. Усталость накатила на него с новой силой. – Мне надо присесть.

Мужчина подхватил Дункана за другую руку, когда тот начал сползать вниз и вот-вот выскользнул бы из рук Кейт.

– Где ваша машина? – спросил он.

– Эй, я не хочу домой, ребята, – запротестовал Дункан. – Мне надо выпить, попросите Уилла налить еще.

– Алкоголь убьет тебя, папа, – корила отца Кейт, когда они втроем шли на стоянку.

– Лучше алкоголь, чем одиночество, – пробормотал Дункан.

Общими усилиями они посадили его на переднее сиденье. Стоило Дункану закрыть глаза – и он отключился. Наконец-то он смог заснуть.

Кейт уже несколько минут стояла у машины, забыв о времени, – она загляделась на спящего отца. Внезапно ее охватила паника, ей показалось, что он не просто спит, а что с ним происходит что-то серьезное. Он очень болен или... Нет, она не могла и мысли допустить об этом, тем более произнести само слово. Ее отец силен как бык. Он еще совсем не стар, ему чуть больше шестидесяти. Он просто пьян. Очень пьян. В таком виде он мерзок и отвратителен. Почему же она боится потерять его, когда – и это совершенно очевидно – он давным-давно отдалился от нее?

– Ну что же, совершенно очевидно, что без посторонней помощи вам его из машины не вытащить, – заметил Тайлер, прерывая ее горестные размышления.

Да ведь Кейт почти забыла о нем!

– Так вы все еще здесь? Уже придумали заголовок, не так ли? «Прославленный моряк превратился в мерзкого алкаша». Срочно в печать!

– Вот так вы думаете о своем отце?

– Нет, но вы напишете о нем именно так.

– Откуда вы знаете, что мне это вообще интересно? По-вашему, сейчас в газетах пишут только о «грязном белье» знаменитостей?

– Я уже давала интервью и помню, как извратили мои слова.

– Так вот почему вы не хотите откровенно отвечать на мои вопросы и избегаете интервью? – Глаза Тайлера потемнели от негодования, но он готов был отстаивать свои интересы и терпеливо убеждать, если понадобится. – Поверьте, я вовсе не собираюсь ставить вас в неловкое положение, мисс МакКенна. Просто хочу завершить статью о рискованных авантюристах. Слава, успех, приключения... – это то, что меняет жизнь человека навсегда. Большинство из нас за всю жизнь не испытает хотя бы толики из всего перечисленного, и мало кому удастся пройти все мытарства с достоинством, как вам.

Кейт совершенно растерялась и не знала, что на это ответить. Ей требовалось время, чтобы подумать и найти подходящий способ справиться с этим человеком. Может быть, если она чуть приоткроет завесу тайны, он отстанет от нее? Но что именно ему можно рассказать? А если он начнет копать глубже? Что тогда он сможет узнать?

– Сейчас мне нужно позаботиться об отце, – на одном дыхании протараторила она. – Может быть, завтра, если хотите, приходите в книжный магазин, и тогда мы поговорим.

– Неужели ваше сердце смягчилось? – Тайлер недоверчиво посмотрел на девушку, которая стояла, решительно поджав губы.

– Честно говоря, вы не похожи на человека, который разворачивает лодку к дому при первом раскате грома.

– Это правда, – ухмыльнулся Тайлер и кивнул в сторону машины. – Справитесь с отцом? Я могу поехать следом и помочь вам отвести его в дом.

– Нет, спасибо.

– А где вы живете, между прочим? Вы, кажется, сказали, что ваш дом...

– Не помню, чтобы я вообще об этом говорила. – Кейт решительно плюхнулась на водительское кресло и захлопнула дверцу машины. – Что мне делать с этим болваном, пап, даже не представляю, – пробормотала она, взглянув на отца. Дункан только фыркнул в ответ что-то невразумительное. Правильно, она сама должна разобраться с Тайлером Джеймисоном.

Тайлер смотрел, как быстро удаляются от него задние фонари машины Кейт. Два желто-красных огонька мелькали и теплились вдали, пока не потухли, как его надежда. Кажущаяся простота задуманного им дела неожиданно превращалась в нечто противоположное. И сама Кейт. Она тоже оказалась не такой, как он себе представлял. Когда он сел на паром, то полагал, что ему предстоит познакомиться с крепкой, бесстрашной, уверенной в себе девушкой, сохранившей повадки девчонки-сорванца. Но хозяйка книжного магазина вела себя и выглядела совсем иначе. Светлые волосы свободно падали на плечи, она двигалась по-женски изящно, голос звучал мягко. «У нее чертовски обаятельная улыбка», – заметил он, когда Кейт появилась за прилавком. Казалось, ее уютный маленький магазин так же дружески приглашает посетителей зайти, как широко распахнутые глаза. Но как же она переменилась, когда узнала, что он репортер. Несмотря на внешнюю сдержанность Кейт, он чувствовал, что она нервничает и поспешно укрепляет возникшую между ними стену, которая становилась все непреодолимее с каждым вопросом, который он задавал.

Тайлер сунул руку в карман и вытащил сложенный лист бумаги – обложку журнала восьмилетней давности. Три блондинки, три загорелые девушки стояли на палубе парусника и держали огромный серебряный трофей. На заднем плане – их гордый, сияющий отец. МакКенна покорили жестокий Мировой океан. Но какие тайны, какие секреты скрывались за этими улыбками? Было ли что-то еще в их путешествии, что не попало на страницы газет и журналов? Тайлер точно знал, что ответы на оба вопроса совпадают: да.

В самом деле, если внимательно взглянуть на лица победителей гонки на фотографии, можно заметить, что только Дункан выглядел по-настоящему счастливым. Дочери его казались какими-то... пришибленными. Это единственное слово, которое пришло ему в голову, чтобы описать то, что разглядел в их лицах. Может быть, он преувеличил, что-то домыслил. Большую часть жизни Тайлер собирал факты и только факты, но эта история совсем иная. Эта история была для него очень личной.

Кейт МакКенна не хотела поговорить с ним по душам. По ее словам, это давняя забытая история, но тогда почему она сопротивляется? Он догадывается, что она скрывает. Пьяный отец – не самая большая тайна в мире. Должно быть что-то другое. Тайлер предчувствовал, он знал: в той гонке произошло что-то важное.

Он сложил обложку журнала, сунул в карман и достал сотовый телефон. Набрал знакомый номер и ждал ответа.

– Дом Джеймисона, – раздался бесстрастный голос. – Это Шелли Томпсон, сиделка его брата.

– Шелли, привет. Это Тайлер. Как там Марк?

– Не очень, мистер Джеймисон. Сегодня он попытался встать, но ноги не выдерживают его вес. Марк очень подавлен.

Тайлер вздохнул. В этом вздохе смешались разочарование, беспомощность и гнев – эмоции, переполнявшие его всякий раз, когда он думал о прикованном к кровати младшем брате, который когда-то был отличным спортсменом.

– С ним можно поговорить?

– Он спит. Разбудить его?

– Нет, но, когда он проснется, передайте ему, пожалуйста, что я нашел сестер МакКенна.

Тайлер закончил разговор, опустил телефон обратно в карман. Сестры МакКенна могли быть превосходными хранительницами секретов, но он принадлежал к редкому сорту людей, которые также хорошо умеют их раскрывать.

2

Эшли МакКенна нервно притопывала ногой по деревянной половице пристани. Небо хмурилось, тяжелело, набухало все сильнее с каждой минутой, грозовые облака неуклонно надвигались с запада.

– Надо торопиться, – скомандовала она мужчине, стоявшему на палубе лодки, которую она собиралась фотографировать. – Свет становится все хуже. Скоро будет слишком темно.

– Мы ждем еще одного парня, у которого тоже запланирована съемка в этом кадре. Он вот-вот появится. Подожди.

«Черт! – мысленно выругалась Эшли – Легко сказать «подожди». Конечно, делать мне больше нечего, как слоняться по берегу в ожидании какого-то шалопада».

На самом деле, будучи профессиональным фотографом, Эшли привыкла терпеливо ждать. Но не сейчас, когда она так близко к воде и когда так отчетливо видит: хищные волны догоняют друг друга, топят, закручиваясь в тугие завитки. Она опасливо оглянулась. Было бы лучше стоять на твердой земле, чем на старой пристани на этих никчемных высоких каблуках, в юбке, подол которой вздымается от ветра, как у Мэрилин Монро на известном фото. В сотый раз Эшли хотела изменить свое расписание, но все-таки отправилась на съемки по заданию нового морского музея снимать экипажи и лодки, прибывшие на «Каслтон Инвентейшнл».

Брызги с шумом окатили пристань радужной россыпью мелких и крупных капель, и Эшли отпрянула. Она снова чувствовала себя маленькой и незащищенной на этой покачивающейся деревянной площадке, смутно припоминая, что уже не раз испытывала подобное в море. Отец всегда говорил ей: «Смотри океану прямо в глаза, Эшли, никогда не отступай, никогда не поддавайся». Было время, когда эти решительные наставления придавали ей мужества и храбрости. Но потом на собственном горьком опыте скромная девочка с острова узнала, что это безбрежный океан никогда не отступает и не сдается. Кто бы ни противостоял ему – мужчина или женщина, – стихия все равно победит.

Эшли с трудом отвела глаза от воды и обреченно уставилась на лодку. Люди сновали туда-сюда, проверяли паруса, завершали неотложные дела до наступления темноты. Сильный порыв ветра бросил в лицо Эшли пряди ее длинных светлых волос. Она опустила кофр на настил, встала на колени и принялась искать в сумочке резинку для волос.

Несколько лет назад она собиралась отрезать шевелюру: с ней сплошная морока – каждые шесть недель приходится укорачивать, но волосы снова отрастают, и так получилось, что сейчас почти достигают талии. С такой прической со спины она выглядит как совсем юная девочка, тонкая и хрупкая, – этот романтический образ часто вводит в заблуждение окружающих. И все-таки именно длинные волосы позволяют ей чувствовать свою близость к матери. Эшли достался от нее в наследство необычный огненно-рыжий оттенок, более темный, чем у сестер, но не только он напоминал ей о матери. Она хорошо помнила, как мать расчесывала ее каждый вечер перед сном, ровно сто раз проводя щеткой по волосам дочери. Это было давно, но до сих пор она скучает по этим ласкам, по тем вечерам. Она всхлипнула, шумно схватив ртом морской влажный воздух, и почувствовала соленую влагу – то ли вода, то ли слезы. Плотная пелена мешала смотреть вперед.

Эшли приказала себе отбросить несвоевременные эмоции, повторяя словно мантру: «Я взрослая, двадцатишестилетняя независимая женщина, сделавшая карьеру. Пора повзростать и не поддаваться чувствам. Соберись, тряпка».

Сестры, конечно, не плачут над сентиментальными сериалами телеканала «Холлмарк» и не размягчаются, как воск, вспоминая о прошлой жизни, – ей тоже не стоит.

Как только Эшли вытащила резинку из сумки, причал довольно сильно закачался, и она машинально оперлась на руку, чтобы не упасть. Какая непростительная ошибка для человека, страдающего аквафобией! Она только охнуть успела, когда увидела полосу вздымающейся зеленовато-голубой воды между пристанью и лодкой. Зрелище завораживало, не отпускало. Она хотела отвернуться, но не могла.

Сколько раз она смотрела на воду? Сколько раз вода была ее другом, когда она играла с дельфинами и купалась в мягких волнах? «Вот это действительно важно. Закрой глаза и сосредоточься на приятных воспоминаниях», – твердила она себе в полном отчаянии. Наружу рвались другие воспоминания: волны вырастали до высоты небоскребов, обезумевшая вода угрожала поглотить все вокруг. Эшли снова покачнулась. Она боялась пошевелиться, погрузиться в страшную пучину, откуда никогда никому не вернуться.

– Эй, Эшли? Это ты?

Сквозь накрывшее ее паническое удушье девушка услышала свое имя, произнесенное хриплым голос, который пытался достучаться до нее откуда-то издалека. Но когда она оглянулась, то увидела мужчину, подошедшего незаметно и стоявшего близко к ней. Выцветшие голубые джинсы обтягивали длинные худые ноги, голубая футболка плотно облегла торс и свободно болталась вокруг талии. Девушка все еще находилась под магнетическим действием бушевавшего моря. Она скользнула взглядом по его телу и заставила себя отвернуться, прежде чем добралась до ямочки на подбородке, до слегка искривленного носа, сломанного на футболе в школьном возрасте, и песочного цвета волос со светлыми, выгоревшими на солнце прядками, за которые он никогда не платил ни цента парикмахеру. К сожалению, она не смогла удержаться и не встретиться взглядом с его глазами – карими с золотыми крапинками.

– Шон, привет! – пробормотала она, медленно поднимаясь на ноги.

Шон Эмберсон возвышался над ней, несмотря на ее высокие каблук. Практически образцовый мужчина шести футов четырех дюймов роста. Он раздался в груди, мускулы обрели прекрасную форму за годы, что Шон занимался строительством лодок и греблей. Она откашлялась, пытаясь успокоиться и скрыть свое смущение. «Мало мне шторма, так теперь еще Шон нарисовался на горизонте – вот уж кого невозможно игнорировать. Я нутром чувствовала, что он притащится. Его родители все еще живут на острове, развивают свой бизнес – строят яхты, и семейное дело в один прекрасный день перейдет к Шону. Но одно дело знать, что он вернется домой, а другое – увидеть его во плоти. А это, однако, большая разница!»

– Когда ты вернулся? – выдавила из себя Эшли.

– Вчера. Скучала по мне?

– Я... – Эшли беспомощно пожала плечами. – Давненько это было.

– Прошло почти два года, как я приезжал сюда в последний раз. Пробыл целую неделю, но тебе удалось тогда ускользнуть от меня.

– Правда? Не помню.

– Врешь, плутовка. Помнится, ты внезапно заболела очень заразным гриппом. Даже входную дверь не приоткрыла. Мне пришлось звать тебя из холла вашего дома. А перед этим ты сочинила, что поранилась ядовитым плющом, а до этого...

– Прекрати. Разве я виновата, что заболела, когда тебе посчастливилось приехать в город?

Эшли не собиралась признаваться, что всякий раз трусливо пряталась от парня у себя в квартире. Дул порывистый ветер, волосы закрывали лицо, она вспомнила о резинке, которую держала в руке. Привычным движением собрав волосы в конский хвост, она кожей чувствовала на себе его пристальный цепкий взгляд.

– Я рад, что ты не отрезала волосы, – заметил он. – Они все такие же потрясающие...

Эшли смущенно молчала: голос Шона разжигал в ней опасные чувства. Она любила этого человека, любила сильнее всего на свете. Но между ними все кончено. Это наваждение длилось долго и не оставляло ее в покое даже после того, как Шон уехал. Лишь бы он поскорее снова покинул остров, потому что гораздо легче, когда его нет поблизости. Она постаралась бы забыть его, попробовала бы жить дальше без него.

– Ты приехал на выходные навестить семью? – спросила Эшли, надеясь, что так оно и есть на самом деле.

– Не совсем... Я примчался в Каслтон на... гонки.

– Серьезно? А кто говорил, что никогда никаких гонок?

– «Никогда» – это слишком растяжимое понятие. Я только что закончил реконструкцию лодки «Фридом Райдер» Стэна Бейкера. Он попросил меня погонять вместе с ним в Каслтоне и на Гавайях, а я принял предложение. Пора мне уже поучаствовать в гонках на лодке, которую я помогал строить.

У Эшли земля ушла из-под ног, она была потрясена и пробормотала:

– Ты не гонщик...

– Кто сказал, что я не могу им стать? – бросил парень с вызовом.

– Ты не можешь быть гонщиком, Шон. Твои родители не переживут этого.

– Мои родители не умрут, но полагаю, я мог бы.

Он впился в нее взглядом, пытаясь прочесть на ее лице ответ, который Эшли могла ему дать или не решалась произнести вслух.

– Зачем рисковать? – спросила она вместо этого.

– Потому что я... – Шон покачал головой, – ищу приключений себе на... Ну, мне не сидится на одном месте. С колледжем ничего не вышло. Ни на одной работе не могу удержаться.

– У вас же семейное дело. Я слышала, твой отец говорил кому-то, что спит и видит счастливый момент, когда ты вернешься и займешься бизнесом.

Нельзя сказать, что Эшли разделяла чаяния родителей Шона. Если этот непоседа вернется домой навсегда, ей придется уехать – этот остров слишком мал для них обоих.

Все дело в Шоне, он занимает слишком много места. Рядом с ним она всегда чувствовала себя крошечной – дело не только в росте и косой сажени в плечах, а в его личности. Он такой нетерпеливый, напряженный, беспокойный. Эти свойства невольно передавались ей, сводили с ума, она становилась слегка тронутой рядом с ним.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но что-то мне подсказывает, что ты обрадуешься, если я буду держаться подальше отсюда, – бросил он.

– Мне совершенно все равно, – покривила душой Эшли.

– Черт побери, Эшли! – взорвался он, от огорчения хлопнув себя по бедрам. – Не говори так. Не притворяйся. Не изображай, будто мы ничего не значили друг для друга.

– Может быть, когда-то, давным-давно.

– Что ж, ты все сказала.

– Тебе это теперь уже безразлично, – прошептала она.

Шон долго смотрел на нее, потом покачал головой.

– Конечно, теперь мне все равно.

Ответ, который она ожидала услышать, но ей все почему-то было так больно. Эшли вздохнула, но не собиралась выдавать своих чувств.

– У тебя, наверное, есть девушка?

– И не одна. А как ты? Встречаешься с кем-нибудь?

– Конечно, – солгала она. Последнее свидание у нее состоялось по крайней мере шесть месяцев назад.

– Ты должна нас познакомить. Он местный парень?

– Ну...

Тут, к ее облегчению, мимо по причалу пробежал мужчина и со всего размаху прыгнул в лодку, которую она должна была фотографировать, и чуть было не вывалился за борт. Это небольшое происшествие избавило ее от необходимости снова соврать Шону. Эшли подняла внушительных размеров сумку с аппаратурой и повесила ее на плечо.

– Это вас мы ждали? – крикнула она мужчине.

– Да. Дайте нам еще одну минуту, – отозвался он.

– Ты фотографируешь экипажи Каслтона? – спросил Шон.

Она кивнула.

– Им надо поторопиться, а то совсем стемнеет.

– Моя мама говорила, что в галерее на Мэйн-стрит полно твоих работ.

– Жанин мой друг и с удовольствием включила мои фотографии в выставку работ местных фотохудожников. Не такие уж у меня хорошие и сильные работы.

– Бьюсь об заклад, они супер! Я помню, когда твоя мама подарила тебе первую камеру, ты с ней не расставалась. Без нее ты никуда не ходила и снимала меня, когда я творил какие-нибудь глупости.

– Что случалось довольно часто, – улыбнулась Эшли, вспоминая беззаботные дни детства. Это потом все усложнилось. – Ты редко стоял спокойно, я не успевала сделать хороший снимок.

Шон залихватски подмигнул ей, улыбнулся, и на миг снова стал ее лучшим другом во всем мире, мальчиком, с которым они ходили в детский сад, устраивали пикники на заднем дворе и играли в мяч. С ним она танцевала свой первый танец, с ним впервые поцеловалась, только ему призналась в любви. А теперь – теперь он для нее никто. Они не могли быть вместе, и Эшли не в силах открыть любимому причину разрыва.

Улыбка исчезла с его лица, их взгляды встретились, на миг оба ощутили мучительное желание и сожаление.

– Господи, Эш, – пробормотал Шон. – Я обещал себе, что не стану делать этого, не буду пытаться говорить с тобой. Начинать такой разговор – все равно что подстегивать мертвую лошадь. Но, черт возьми, то, что было между нами, никуда не исчезло. Я чувствую это. Чувствую сейчас.

– Это все... ветер... Он толкает меня на самый край, – проговорила она в отчаянии и застыла в немом бессилии.

Причал сильно накренился, и Эшли упала бы в воду, если бы вовремя не ухватила за руку Шона, как за спасательный круг. Она панически боялась оказаться в воде.

– Все в порядке, – успокаивающе сказал он.

– Мне надо выбраться отсюда. – Отпустить руку Шона в такой момент было выше ее сил. Что, если она упадет в воду?

Вода такая холодная, что ее сердце наверняка не выдержит и остановится. Толщи мутных волн сомкнутся над ее головой, и тогда ей придется бороться, чтобы вынырнуть на поверхность. Одежда намокнет и потянет вниз. Голову повело вправо, в горле застрял комок, так что пришлось дышать носом в надежде подавить тошноту.

– Эшли, – не на шутку встревожился Шон. – Что с тобой такое?

Она ответила ему пустым взглядом:

– Что?

– Ты побелела как полотно.

Его слова медленно доходили до ее сознания. Захваченная врасплох в минуту слабости, Эшли подпустила его слишком близко, и Шон увидел то, чего она не позволяла видеть никому.

– Нормально. Дай мне минутку. Я в порядке. – Она нагнулась всем телом и заставила себя отпустить его руку. – У меня просто закружилась голова. Я сегодня почти ничего не ела.

– Не похоже, что ты ешь досыта в любой другой день. Ты худая как щепка.

Эшли пропустила его замечание мимо ушей, она смотрела на членов экипажа, которые махали ей, привлекая ее внимание.

– Вы готовы? – еле слышно спросила она и добавила погромче: – Начинаем?

– Да, но мы кое-что придумали. Будет лучше, если вы снимете нас не с пристани, а прямо на борту. Снимок получится на фоне пирса и баннера гонки.

Эшли застыла. Вот уж дудки! Она уже сняла экипажи трех лодок с безопасного причала, и фотографии получились удачными. Поэтому ей совершенно незачем перебираться на борт.

– Я думаю, ракурс отсюда гораздо лучше, – возразила она.

– Нет, мы хотим заманить вас на борт. Прыгайте! – Мужчина протянул руку, желая помочь ей перебраться в лодку.

Эшли перевела взгляд с его руки на полоску воды, отделявшую лодку от причала: «Всего фут или два, почти ничего. Я не упаду в воду. Перебраться на борт можно совершенно безопасно». Но зыбь покачивала лодку и относила ее от причала. «Что делать, если расстояние увеличится? Что, если меня прихватит приступ на лодке и я не смогу вернуться обратно?»

Эшли охватила противная дрожь, но она не могла допустить, чтобы окружающие это заметили. Никто не должен увидеть. Никто никогда не должен узнать.

– Слушайте, уже темнеет. Небо почти затянули облака, – попробовал урезонить расшалившуюся команду парусника Шон, краем глаза наблюдая за тем, как его любимая прикидывает расстояние между лодкой и причалом. – Может быть, стоит подождать до завтра?

– Уже слишком темно, – подхватила идею Эшли и посмотрела прямо в глаза человеку в лодке, испытывая невероятное облегчение. – Придется перенести съемку. Мне очень жаль, но я уверена, что хороших снимков при таком освещении сделать нельзя. Я приду завтра. И мы все сделаем.

– Эй, подождите секундочку, – окликнул ее мужчина, но Эшли уже начала спускаться с причала и не собиралась останавливаться, пока не окажется на твердой почве.

Она не думала о том, что Шон идет за ней следом, но, когда внезапно остановилась, он уткнулся ей в спину.

– Прости, – буркнул парень.

– Да ладно. Все нормально.

– Нет, все далеко не в порядке. Он по-прежнему сидит в тебе?

– Не понимаю, о чем ты говоришь. – Эшли отвела глаза, не в силах выдержать прямого пытливого взгляда.

– Я говорю о страхе, который написан на твоем лице. Такое же выражение я видел, когда ты оценивала свои возможности, прежде чем прыгнуть в лодку. Но еще раньше отчаяние и страх сквозили в твоих глазах, когда ты вернулась после той злополучной гонки. Расскажи мне, что случилось, чего ты так боишься?

– Ничего не случилось. Я просто устала от нашего образа жизни, невыносимо ютиться в замкнутом пространстве лодки и не сдвинуться. Так устала, что не могу даже допустить мысль, что окажусь снова в какой-нибудь посудине.

– Даже спустя столько времени? – недоверчиво поинтересовался Шон. – Прошло восемь лет.

– Я прекрасно помню, когда это было, – отрезала Эшли, глядя ему в лицо. – Мне надо идти. Хочу повидать Кэролайн. Я беспокоюсь о ней.

– А что с твоей маленькой сестричкой?

Эшли колебалась, не зная, стоит ли делиться с Шоном семейными тайнами, но лучше говорить о Кэролайн, чем о себе или своих страхах.

– Похоже, Кэролайн встречается с Майком Стэнвеем.

Шон удивленно поднял бровь.

– Но он же лет на десять старше ее. А может быть, даже на пятнадцать. Не говоря уже... Ну, давай скажем прямо – у него есть проблемы.

– Вот поэтому мне и нужно поговорить с ней. Вряд ли она станет слушать, но я должна попробовать.

– Могу пойти с тобой, – предложил Шон.

– Нет! – резко бросила она. – Ты знаешь, как умеет защищаться Кэролайн, когда чувствует, что попала в засаду. Еще увидимся.

Эшли отошла на несколько шагов, гадая, не окликнет ли ее Шон, чтобы помочь дотащить тяжелую аппаратуру, но он этого не сделал. С причала она направилась в парикмахерский салон, где работала Кэролайн, но думала не о сестре, а о том человеке, которого она сейчас оставила на обочине. «Почему никогда не получается уйти от него легко? Видит бог, я делала это не раз, но на какую-то долю секунды возникает соблазн оглянуться и посмотреть, стоит ли Шон на прежнем месте, смотрит ли вслед? Как узнать, хочет ли он ее так, как она все еще хочет его?»

– Кэролайн, тебя к телефону. – Полирующая и без того остренькие ноготки девушка с ресепшен парикмахерского салона «Ноэль» оторвалась от своего увлекательного занятия и уточнила: – Первая линия.

– Одну секунду. – Кэролайн выдавила последнюю каплю краски из пластикового флакона и посмотрела в зеркало на свою клиентку. – А теперь придется немного посидеть. Дать вам журнал почитать?

– Я взяла с собой книгу, – ответила постоянная посетительница салона Пегги Марш. – И не спешу. За всю неделю это единственные для меня минуты тишины и покоя. Дети просто сводят меня с ума. Прислушайся к моему совету, Кэролайн. Не спешу замуж и не торопись обзаводиться детьми. Наслаждайся своей нынешней жизнью.

– Спасибо за совет, буду иметь в виду. – Кэролайн совсем не горела желанием в самое ближайшее время выйти замуж и нарожать детей. Ей двадцать четыре года, и впереди еще достаточно времени, чтобы успеть сделать то и другое. Пока она еще не готова к тому, чтобы посвятить себя мужу и детям. Сейчас у нее хорошая работа стилиста в одном из лучших салонов красоты на острове, уютная квартира в доме, расположенном всего в нескольких кварталах отсюда. «Я счастлива. По крайней мере большую часть времени. Как будто счастлива».

Вероятно, причина быстрой смены ее настроения была в ветре, это он вызывает в ней беспокойство. В этом дочь похожа на своего отца. При сильных ветрах у нее начинался настоящий зуд – отправиться куда-нибудь. Но она привязана к салону. Через десять минут у нее очередной клиент.

Кэролайн подошла к стойке и взяла трубку.

– Привет.

– Привет. Это я, Кейт.

– Что случилось? – Кэролайн сразу насторожилась, услышав голос старшей сестры, которая звонила только в крайних случаях.

Было и у нее кое-что, о чем бы следовало поговорить с Кейт, но сейчас не время и не место. Хотя Кэролайн не знала, наступит ли когда-нибудь это время или найдется ли подходящее место.

– Я о папе, – устало сказала Кейт.

– Что с ним? Где он?

– Спит на моем диване. Мне еще повезло, что я утащила его из бара. Уилл позвонил мне, я поехала и забрала его.

– Ему тяжело видеть, как каждый день появляются все новые лодки. Снова хочет быть в гуще событий, среди гонщиков. Он тоскует по прошлой жизни, Кэти.

– И это служит оправданием, чтобы напиваться до бесчувствия? Как ты можешь его защищать?

– Кто-то же должен! – взорвалась Кэролайн. – «Нашей образцовой Кейт всегда было трудно ладить с отцом. Она не понимала его. Никогда».

На другом конце провода повисло молчание.

– Послушай, Кэролайн, на самом деле я звоню совсем по другому поводу. Конечно, гораздо легче защищать папу, когда тебе не приходится по первому звонку бросать все и мчаться, чтобы вызволить его из какого-нибудь бара. Прости, если я погорячилась, но я просто устала.

– Пускай звонят мне в любое время, – предложила Кэролайн. – Но все знают, что ты старшая и всем у нас заправляешь.

– Я никогда ничего такого не говорила.

– Да брось, Кейт. Ты всегда была главной.

– Не буду с тобой спорить. Сейчас это неважно. У нас возникла еще одна проблема.

– В чем дело? Только давай-ка коротенько, мне надо закончить с покраской, а у меня уже на подходе другой клиент. – Кэролайн посмотрела на дверь салона, та открылась, и вошел мужчина. Должно быть, ее семичасовой клиент.

– Сегодня ко мне в магазин явился репортер, – сказала Кейт. – Его зовут Тайлер Джеймисон. Он хочет написать о нас. Где мы, что с нами стало сейчас.

Кэролайн молчала, не зная, что ответить. Репортеры перестали беспокоить их несколько лет назад, и семейство МакКенна вздохнуло с облегчением, убаюканное ложным чувством безопасности, как поняла она сейчас.

– Что ты ему рассказала?

– Что нам нечего добавить к статьям, вышедшим в газетах прошлых лет. Не было в той гонке ничего такого, о чем бы не было написано.

– Он тебе поверил?

– Не знаю. Он из разряда прилипал, так что я просто хотела предупредить тебя. Не разговаривай с ним, если он появится. Не позволяй ему обвести себя вокруг пальца.

Как обычно, Кэролайн услышала не произнесенные сестрой слова так же ясно, как если бы Кейт сказала их вслух.

– Если бы дело было только во мне, – сказала она, словно защищаясь или оправдываясь. – Эшли, вот кого надо предупредить. Она все время на нервах. Никто не знает, что она может наговорить.

– Я оставила ей сообщение, чтобы она перезвонила мне, но, если ты увидишь ее первой, предупреди ее сама.

– Ладно. – Кэролайн замолчала.

Почему и когда ей стало так трудно разговаривать с Кейт? Когда-то они были очень близки. Кэролайн считала Кейт своим кумиром, ведь старшая сестра лучше всех придумывала и рассказывала ей невероятные сказки, смешила ее. С рассудительной Кейт она чувствовала себя в безопасности, даже когда окружающий мир перевернулся с ног на голову и стал страшным. Но те благословенные деньки давно в прошлом, их жизнь так изменилась. Произошло слишком много такого, о чем они не должны говорить. От пустоты, заполнившей зияющие раны, трудно было избавиться, ведь у них не осталось ни сочувствия, ни жалости друг к другу. Приходится болтать ни о чем – параллельные линии не пересекаются. Если они

скрестятся, произойдет откровенный разговор, который принесет разрушений не меньше, чем атомный взрыв, поэтому лучше не касаться опасных тем.

Кэролайн повесила трубку и вернулась на свое рабочее место.

– Сестры, – она скорчила смешную гримасу, встретившись взглядом с Пегги в зеркале. Пегги с пониманием кивнула.

– Их любишь и их же ненавидишь – закон единства противоположностей в действии.

– Именно так. Пегги, ко мне пришел еще один клиент. Почему бы тебе не перебраться в другое кресло, а я включу сушку? Посмотрим, не сможем ли мы немного ускорить процесс.

Когда Пегги пересела в кресло под колпаком для сушки волос, Кэролайн включила его и попросила:

– Дай мне знать, если слишком сильно поджаришься.

– Мне нравится цвет твоих волос, – похвалила Пегги.

– Правда? Я немного поэкспериментировала. – Кэролайн взглянула на свое отражение. Ее темно-русые волосы с рыжим перьями были очень коротко острижены, прядки, густо сдобренные муссом, придавали ей задорный вид.

– Ты выглядишь хиппово, – вздохнула Пегги. – Мне это никогда не удавалось.

– Кейт считает, что мне надо вернуться к моему естественному цвету волос.

– А он какой?

– Я уже даже не помню, – призналась Кэролайн со смехом.

– Кэролайн, тебя ожидает клиент. – Эрика Коннорс, дежурный администратор на ресепшен, прервала дружескую болтовню, кивнув на мужчину, в ожидании листавшего иллюстрированный журнал. – Секси, – одними губами, почти беззвучно, добавила Эрика.

Кэролайн и сама убедилась в том, что ее клиент исключительно хорош собой. Не изнеженный смазливый красавчик, а один из тех решительных парней, что увлекаются альпинизмом или океанскими гонками. Он встал, и Кэролайн оценила его высокий рост и спортивную фигуру.

– Кэролайн? – спросил молодой человек, подойдя к ней поближе и одарив откровенно сексуальной улыбкой.

– Да.

– Мне нужна лучшая стрижка в этом городе.

– Тогда вы пришли по нужному адресу, сэр. – Кэролайн вытянулась во весь рост, имитируя военных по время парада на плацу, и резким жестом пригласила его занять кресло, которое только что освободила Пегги. – Хотите чашечку кофе или стакан минералки?

– Нет, спасибо.

Стоя за спиной клиента, чудо-парикмахер оценивала его отражение в зеркале профессиональным взглядом. Четко очерченные черты лица, волевой подбородок, пронизательные глаза, а ресницы такие густые и темные, что можно только пожалеть, что они принадлежат мужчине.

– Ну и что вы думаете? – прервал он затянувшееся молчание.

– То есть? – не сразу сообразила Кэролайн.

– О моих волосах? Какую длину лучше оставить?

Да, конечно. Она должна сосредоточиться на его волосах, которые были по-настоящему эффектными – темно-каштановые, густые. «И от природы вьющиеся», – определила она, пробежавшись пальцами по прядям. Он был хорошо подстрижен. Ничего не нужно придумывать, просто освежить стрижку.

– Предлагаю укоротить на четверть дюйма, – сообщила она, встретившись с его взглядом в зеркале. – Или вы хотели что-то другое? Стрижку машинкой, может быть? – Она засмеялась, заметив, как он напрягся. – Шучу. Я напугала вас, да?

– Чуть-чуть.

– Мыть голову?

– Волосы чистые, просто намочите их.

– Как скажете. – Кэролайн набросила на плечи мужчины покрывало, из пульверизатора увлажнила волосы. – Итак, откуда вы? Вы говорите как южанин.

– У вас хороший слух. Я из Техаса.

– Вы забрались далеко от дома, ковбой. Приехали на гонки?

– Так и есть. А вы? Вы местная?

– Я родилась здесь. – Она провела расческой по его волосам и взяла ножницы.

– А жили где-нибудь еще? – продолжал расспрашивать он.

Кэролайн не знала, как ответить на этот вопрос. Можно ли считать, что, проплыв через несколько океанов, она на самом деле жила где-то еще?

– Вы и представить себе не можете те места, в которых мне приходилось бывать. – Кэролайн решила переключить разговор на своего клиента. – В чьей-то команде стартуете?

– Я пока не принял окончательное решение. Знаете, хожу, поглядываю по сторонам.

– В ожидании лучшего предложения?

– Можно сказать и так. – Она повернула его боком к зеркалу, продолжая ловко орудовать филировочными ножницами, а мужчина снова вернулся к расспросам: – Похоже, вы сами участвовали когда-нибудь в океанских гонках?

– Приходилось, – коротко ответила она. Кэролайн не хотелось развивать дальше эту тему.

– Но вы пропустите грандиозное шоу в этом году?

– Да, сейчас у меня есть занятие поинтересней. – Кэролайн состригла волосы на макушке, потом снова измерила длину прядей. – Как вам? – спросила она, повернув его лицом к зеркалу и встретившись с ним взглядом в зеркале.

– Прекрасно, – одобрил он.

– Мусс, гель, укладка феном?

– Ничего из этой триады.

– Любите естественность или экономите?

– Посмотрите в окно – на улице дождь, – заметил мужчина, усмехнувшись.

– Тогда вы просто умный парень. – Улыбнувшись, Кэролайн сняла покрывало и стряхнула срезанные волосы. – Можете оплатить Эрике, – сказала она, когда клиент поднялся с кресла.

– Когда у вас обеденный перерыв? Я готов угостить вас чашкой кофе. – предложил он. – Может, сходим куда-нибудь, посидим в кафешке? А вы расскажете о гонках?

– Свидание с привлекательным незнакомцем?

Она была бы просто сумасшедшей, если бы отказала этому самонадеянному красавчику в такой малости. Тем более что ее бойфренд Майк отменил намеченные на сегодняшний день планы, и по этому поводу Кэролайн вовсе не собиралась оставаться одна.

– Поймите меня правильно, не то чтобы я приглашаю каждого парикмахера выпить со мной, разве что такого симпатичного. Но мне хочется показать всем, как я подстрижен, – привел он последний довод, который должен был убедить девушку.

«Боже мой, ну что за улыбка! Это же живое пламя! За что мне это испытание?» – здравый смысл боролся в Кэролайн с любопытством, и последнее уверенно победило в этой маленькой битве.

– Мне надо закончить с клиенткой. Это займет минут тридцать.

– Я могу подождать вас. Кажется, внизу на пристани есть отличный бар.

– Может, лучше пообедаем в настоящем ресторане – там не так многолюдно и шумно, можно спокойно поговорить? В нескольких кварталах отсюда потрясающий ресто-

ран «Каставэй», там готовят морепродукты. Это на Гилмор-стрит. Когда выйдете из салона, поверните налево, идите до угла, а потом вниз примерно четыре квартала.

– Отличное предложение, – кивнул он. – Когда? Через час?

– Да.

– Хорошо. Там и увидимся.

– Там и увидимся, – эхом откликнулась Кэролайн, в то время как клиент расплатился с Эрикой и вышел.

Кэролайн засмотрелась на стройную мужскую фигуру и упругую силу движений. Она бы так и стояла, глядя ему вслед, если бы Пегги не напомнила о себе деликатным покашливанием. Тогда Кэролайн вернулась к действительности, и надо сказать, что это случилось очень вовремя, потому что под угрозой оказалась не только прическа ее любимой клиентки, уже более получаса сидевшей в краске и немного нервничающей по этому поводу.

Как только дверь салона за посетителем закрылась, Эрика вскочила со своего места:

– Везет тебе, Кэролайн! Заполучила такого горячего парня, – с присущей двадцатилетним прямоотой сказала она.

– Он в порядке, – согласилась Кэролайн.

– Дорогая, не принижай его достоинств, – подключилась к разговору Пегги. – Если бы я не была замужем и не имела бы такого количества растяжек, из которых можно составить карту Вашингтона, я бы побежала за ним сама.

– Ты видела его задницу? – мечтательно спросила Эрика.

– Я бы не прочь прикоснуться к этим прекрасным формам, – добавила Пегги.

Кэролайн застонала.

– Какие вы обе ужасные. Мне вдруг показалось, что нам по двенадцать лет и у нас девичник? Почему это?

– Да потому что такие красавцы заходят сюда не каждый день! Немудрено возбудиться! – воскликнула Эрика. – Обычно в салон заявляются капризные старушки или замужние дамы средних лет, о присутствующих не говорим, конечно.

Пегги от души рассмеялась.

– Поверьте мне, девчонки, сейчас, когда у меня вся голова накрыта лепестками фольги и я мало того, что скоро потеряю остатки волос, так еще похожа на шедевр футуристической архитектуры – какое счастье, что ты назвала меня всего лишь замужней дамой средних лет. Спасай меня скорей! А я пока скажу тебе правду: ты великолепно выглядишь, Кэролайн. Неудивительно, что он положил на тебя глаз.

– Ох, извини! Уже снимаю эти ужасные железяки. Ты правда так думаешь? Ну, я о себе... Юбка не слишком короткая?

Кэролайн придирчиво оглядела себя в зеркале. Ее юбка была настоящей мини-юбкой, пурпурный топ с треугольным вырезом не доходил до талии, открывая обнаженную полосу живота. Вырез топа спускался довольно низко и весьма щедро открывал бы прелести, если бы они у нее были.

К сожалению, только у одной из сестер, Кейт, грудь больше мальчишеской.

– Ты выглядишь потрясающе, – заверила ее великодушная Пегги, с опаской покручивая крашенный завиток.

– Я выгляжу как замученная серая мышь или как человек, прошедший на работе целый день, что, собственно, одно и то же, – огорченно покачала головой Кэролайн.

– Вот уж серой тебя точно не назовешь. Подкрась губы, наложи немного румян и будешь как новенькая.

Девушки обернулись, когда дверь в салон снова открылась, – вдруг тот симпатяга вернулся.

– А-а, это ты, – плохо скрывая разочарование, сказала Кэролайн, когда ее сестра Эшли вошла в салон. Обычно Кэролайн с Эшли ладили гораздо лучше, чем с Кейт, но сейчас младшенькой не хотелось общаться ни с кем из сестер.

– Вот так встреча. А ты кого рассчитывала увидеть, принца на белом коне? – поинтересовалась Эшли.

– Красавчик, – затараторила Эрика. – Ты бы видела, какой красавец приходил к ней стричься и запал на нее! Она собирается пойти с ним пообедать, как только у Пегги высохнут волосы.

– Вот спасибо, и кто тебя только за язык тянул, а? – Кэролайн раздраженно посмотрела на Эрику.

– Что за парень? – спросила Эшли, нахмурившись. – Как его зовут?

Только сейчас Кэролайн поняла, что не знает его имени. А он вообще его называл? Обычно, обслуживая клиентов, она замечала в первую очередь, как человек причесан – профессиональная привычка. Забредшие в салон в первый раз всегда были такими смешными, всклокоченными и какими-то несуразными, что ей хотелось их утешить, привести в порядок, подарить надежду. Она верила, что, изменив облик, влияет на жизнь человека.

«Кажется, красавчик назвал свое имя, но у меня на работе голова забита всякой ерундой, и в одно ухо влетело, а в другое вылетело», – оправдывалась Кэролайн.

– Ты даже не знаешь, как его зовут? – удивленно переспросила Эшли, когда Кэролайн не ответила. – И собираешься с ним обедать? Как ты можешь пойти с человеком, если даже не знаешь имени? – Эшли неодобрительно поджала губы. – Мне все это не нравится.

– Я знаю, как его зовут, – просто забыла. Ради бога, Эшли, мне уже давно не шестнадцать. Это не приглашение под венец, а обед в общественном заведении.

– Но ты его не знаешь, – не отступалась Эшли.

– Ты слишком беспокоишься.

– Зато ты не волнуешься ни о чем. К тому же идет дождь.

Кэролайн догадалась, что сестра беснуется не из-за нее, а дрейфит перед надвигающейся бурей.

– Погода и впрямь ужасная. Ты в порядке?

– Да, – коротко ответила Эшли. – Вот заглянула на огонек, пришла навестить тебя.

– У меня все прекрасно.

– Ну, хорошо. Почему бы тебе не отменить свидание и не пообедать с Кейт и со мной?

– У Кейт дел по горло: папа спит на ее кушетке, да еще объявился очередной журналист, который за ней гоняется. Только давай не будем об этом. Не говори ничего, – предупредила ее Кэролайн.

– Я и не собираюсь. И вообще, что я могу сказать?

Повисла тягостная пауза.

– Ты хотела обсудить что-то еще? – спросила Кэролайн.

– Да. Ходят слухи, что ты встречаешься с Майком Стэнвеем.

– Ну и что? Даже если это и правда.

– Он слишком стар для тебя. И разве он все еще не женат?

– У тебя устаревшие сведения, сестренка. Он недавно развелся.

– Кэролайн...

– Эшли, я на работе, меня почти весь день ждет клиентка. Если меня не убьет муж миссис Пегги, то меня просто уволят. Клянусь, тебе не о чем волноваться. Мы с Майком просто друзья.

– Ты уверена?

– Совершенно. А сейчас мне действительно надо заняться делом.

– Еще увидимся, – сказала Эшли и добавила: – Будь осторожна с этим странным типом.

– Он вовсе не странный. Просто прекрасный незнакомец. Как считаешь, я заслужила немного счастья?

Конечно, Эшли не убедили слова взбалмошной девчонки, которая была достаточно взрослой, чтобы принимать дурацкие решения, поэтому она обняла сестру и выскочила из салона под дождь.

– Подожди-ка, но ведь твой принц не смог бы прийти без предварительной записи... У меня есть его имя в регистрационной книге, – торжествующе заявила Эрика. Она открыла нужную страницу и провозгласила: – Тайлер Джеймисон. Теперь ты знаешь, кто он такой.

Кэролайн почувствовала, как приподнятое настроение испаряется. Тайлер Джеймисон? Разве не так зовут репортера, о котором предупреждала Кейт? «Не позволяй ему увлечь себя». Голос Кейт противно звучал в голове. «Вот засада! Терпеть не могу, когда старшая сестра оказывается права».

– Да, теперь я знаю, кто он такой, – с тяжелым вздохом сказала она. И Кэролайн действительно знала, что теперь должна сделать.

3

– Почему вы решили, что я сама доверчивая из сестер? – с вызовом спросила Кэролайн, уютно присаживаясь на обитый бархатом стул. – Потому что я моложе всех? Потому что обо мне говорят, будто у меня ветер в голове? Отвечайте!

Она положила пурпурного цвета сумочку на стол, когда села напротив Тайлера в холле ресторана «Каставэй».

– Так вы говорили с сестрой, – догадался он.

Тайлер сделал освежающий глоток пива из запотевшего стакана. Ему казалось, что рано или поздно он сумеет заловить Кэролайн. С первой же попытки у него получилось – вот она собственной персоной, сидит напротив. Взбешенная до чертиков девушка, но она все-таки здесь, и надо попытаться ее разговорить.

– Заказать вам что-нибудь выпить?

– Нет.

– Вы уверены? – спросил он, когда подошел официант взять заказ на напитки. – Наш столик будет готов через несколько минут.

– Отлично. Тогда мне минеральную воду. Привет, Бобби. – Кэролайн заставила себя улыбнуться, здороваясь с официантом. – Как дела?

– Отлично, – приветливо улыбнулся Бобби. – Сегодня никакого вина?

– Только минеральной воды. – Она повернулась к Тайлеру. – И я не останусь обедать.

Тайлер надеялся, что она передумает.

– Почему бы нам не начать сначала? Позвольте представиться. Меня зовут Тайлер Джеймисон.

– Что вы хотите? – спросила Кэролайн. – И почему нельзя было сказать мне, кто вы, придя в салон? Я же видела, что вашим волосам можно было подождать со стрижкой, но приняла вас за одного из тех лощеных типов, которые всегда держат прическу в идеальном состоянии.

Тайлер невольно потянулся к волосам, провел по ним рукой, осознав, что даже не посмотрелся в зеркало, пройдя четыре квартала до ресторана под ветром и дождем.

– Вижу, что ошиблась, – сказала Кэролайн.

– Послушайте... – Тайлер улыбнулся и попытался спасти положение, – вероятно, мне следовало сразу раскрыть истинную причину моего прихода, но вы были так заняты. Ваша сестра меня приняла более чем холодно – да что уж там, решительно отказала. Поэтому я подумал, будет лучше поговорить с вами наедине. Зачем мне прятаться? Я оставил свое имя на ресепшен в салоне. Не предполагал, что вы не узнаете, кто я. – На самом деле Тайлер предвидел разбирательство с пристрастием, но решил посмотреть, как далеко оно их заведет.

Кэролайн немного смягчилась, но все еще сидела в напряженной позе, демонстративно скрестив руки на груди.

– Хорошо. Давайте начистоту. Что вы хотите узнать?

– Хотелось бы написать статью о вашей семье и той победной гонке, о том, что произошло потом и что в вашей жизни творится сейчас. Я бы поместил фотографию, где вы втроем держите трофей Уинстона. А рядом – другую, более актуальную. Я хочу показать в небольшой статье, как триумфальная гонка, возможно, изменила всех вас. Такие истории довольно популярны в наши дни.

– Я уверена, Кейт уже выразила наше общее мнение: нас ваше социологическое исследование не интересует.

– Какое редкое единодушие между сестрами в наши дни! Может быть, все-таки у вас другое мнение? Вряд ли вы хотите, чтобы старшая сестра все решала за вас.

Кэролайн выпрямилась в кресле. Тайлер догадался: он попал в точку.

Эта активная самостоятельная девушка, похоже, не из тех, кто позволил бы Кейт командовать, это очевидно. У него появилась надежда, что младшая сестра поможет ему проникнуть в семью.

– Я всегда поступаю по-своему, – вызывающе заявила она. – Но не могу представить, что кому-то вообще может быть интересна наша жизнь. Мы живем здесь, на нашем острове Каслтон, самой заурядной жизнью.

– Да, но людям интересно узнать подробности, как это – превратиться из гонщика парусного спорта, к примеру, в стилиста.

Кэролайн широко улыбнулась, и белозубая улыбка очень украсила ее загоревшее личико.

– Звучит как заголовок, может, и продадите десяток экземпляров. Расскажите лучше о себе. Вы действительно хороший репортер?

– О, признаюсь, я хорош не только на словах! На самом деле я – убежденный перфекционист и готов разбиться в лепешку, чтобы достичь поставленной цели, – подтвердил Тайлер, пряча улыбку. – Привлекательность моего материала зависит, конечно, от того, насколько вы и ваши сестры будете откровенны. Нужны детали: что-то такое, что было бы интересно читателям.

– Ну, тут я вам вряд ли пригожусь: почти не помню той гонки. Наше путешествие описано в судовом журнале, который мы опубликовали после состязания.

– Я читал, – кивнул Тайлер. – Страницы заняты описанием разных пород рыб, немного сказано о вашей борьбе с геометрией, отражено нежелание Эшли нацепить червя на крючок и восхищение Кейт яркостью звезд и планет, которые видны из разных полушарий. Впечатляет!

– Ну да, я же говорила, что ничего особенного. Даже когда мы мчались под парусами, было полно дней абсолютного затишья. Вы слышали выражение – экваториальная зона штиля? Мы застряли там на несколько суток – просто лежали и ждали, молились, чтобы подул хотя бы слабенький ветерок. Иногда мне хотелось закричать, отколошматить команду или вытащить весла и начать грести. Однажды мы с Кейт так и сделали, чтобы насмешить всех. Папа не удивился. Мы-то думали, что нарушили правило, которое во время гонки не разрешает пользоваться ничем, кроме паруса.

– Вы и Кейт? – Тайлер был искренне удивлен. – Вы настолько близки с ней?

– Мы сестры.

– Я не о том хотел спросить. – Он умолк на минуту. – Я еще не видел Эшли. Какая она?

– Спокойная, красивая, чувствительная. Но я пришла сюда не для того, чтобы рассказывать вам это.

– Тогда зачем? – Для большей доверительности он подался к младшей МакКенна.

– Потому что пообещала прийти. Я не хочу выглядеть доверчивой безмозглой идиоткой, принимающей приглашение пообедать от первого встречного. Вовсе нет. Тогда, в салоне, вы застали меня врасплох – я плохо соображаю, когда работаю, иначе сразу почувствовала бы подвох. – Кэролайн решительно вздернула подбородок.

Тайлер одобрительно кивнул.

– Считайте, что мы закрыли тему. Вы прекрасный, добрый, открытый человек, Кэролайн. – «Но, – подумал он. – Отчаянно хотите произвести на меня впечатление, показать свои ум и сообразительность. Неужели тебя так редко хвалили в жизни, детка, что ты пытаешься в этом убедить заодно и себя?»

– Меня не волнует, нравлюсь я вам или нет. Нам с сестрами неинтересна эта история.

Тайлер еще сильнее подался вперед в своем кресле.

– Знаете что, мисс МакКенна, вы и ваша старшая сестра ведете себя очень скрытно без всякой видимой причины. Большинство людей, которые выигрывали гонки, с удовольствием вспоминают о них.

– Ну и болтайте с ними.

– Не могу. Чем больше вы сопротивляетесь, тем мне любопытней.

– Любопытство кошку сгубило, – не удержалась от колкости Кэролайн.

– Хм-м, и как это понимать? Это что, угроза?

– Это просто детская поговорка. – Она умолкла, когда официант поставил перед ней стакан с минеральной водой. – Благодарю вас за приглашение, но я действительно не могу остаться, – сказала Кэролайн, когда официант отошел.

– Почему бы не допить воду и не позволить мне попытаться изменить твое мнение? – предложил Тайлер.

– Не получится. Я не так доверчива, как некоторые обо мне думают.

– Как думает Кейт, – уточнил он.

– Я этого не сказала.

– И не надо. Ты младшая сестра. Кейт пыталась быть твоим боссом в море?

Кэролайн закатила глаза.

– Она и есть мой босс, где бы мы ни были.

– Но в лодке, в непосредственной близости друг к другу, не каждому удастся стать главным, – настаивал на своем Тайлер.

– Главным был папа.

– Папа... – пробормотал он, отпивая глоток пива. – Я уже встречался с ним. Ваш отец едва держался на ногах.

– С ним такое случается. – Кэролайн взяла стакан, провела пальцем по краю. – Но он хороший человек и всегда старался для нас. И он совершил настоящий подвиг. Уже мало кто помнит об этом. Люди быстро забывают...

Тайлер поставил локти на стол, интуиция подсказывала ему, что он на правильном пути.

– Люди вспомнят и не забудут, если ты позволишь мне снова рассказать вашу историю. Я опишу не только прошлое, но и то, как вы живете сейчас. Ваш отец может вернуть свою былую славу и репутацию. Что в этом плохого?

Кэролайн медлила с ответом, и Тайлер ясно читал нерешительность в ее глазах.

– Эта история может сослужить хорошую службу тебе и всей семье, – настойчиво продолжал уговоры Тайлер.

Прежде чем она успела ответить, шумная мужская компания появилась в холле ресторана.

– Черт, – пробормотала Кэролайн, глядя мимо него на вновь прибывших. – Только этого мне не хватало.

Тайлер проследил за ее взглядом. Кэролайн смотрела на четверых мужчин, усевшихся за стол неподалеку от двери.

– Твои друзья?

– Киви, – коротко бросила она.

Тайлер вопросительно поднял бровь.

– Мы говорим о фруктах?

– Новозеландцы, – лаконично объяснила Кэролайн.

– Так мы не любим «киви»?

– Мой отец «оси». Значит – австралиец на их сленге. Австралийцы и новозеландцы давно соперничают в океанских гонках, – пояснила она, еще больше напрягаясь, когда один из мужчин направился к их столику.

– Кэролайн, – пробасил он. – Тебя-то я и искал. Ты слышала, кто скоро приедет на остров?

– Какое мне дело? – сухо поинтересовалась Кэролайн.

– Может, оно и не твое, но, по крайней мере, твоего отца.

– Ты о чем?

– Команда «Мун Дансер» в последний момент подала заявку на участие в гонке. Она должна быть здесь к понедельнику.

Тайлер внимательно наблюдал за своей спутницей. От лица Кэролайн разом отхлынула кровь. «Мун Дансер» – так называлась знаменитая лодка МакКенна. Она возвращается, видимо, с новым владельцем, и новая команда собирается участвовать в гонках. Тайлер не знал точно, чем так шокировала Кэролайн эта новость, но, похоже, девушка забеспокоилась.

– Не может быть, – выдохнула она.

– Но так оно и есть. Угадай, кто купил лодку? – Мужчина выдержал эффектную паузу. – Старина Кей Си Уэллс. Не терпится посмотреть на лицо Дункана, когда он узнает, что его заклятый враг прибывает в город на его лодке.

– Это его нисколько не тронет.

Мужчина зычно рассмеялся.

– Да уж, конечно. Ладно, еще увидимся.

– Он говорил о вашей лодке? – уточнил Тайлер, когда новозеландец отошел от их столика.

– Что? – Кэролайн посмотрела на него пустыми глазами.

– Ваша яхта. «Мун Дансер». Та, на который вы ходили в кругосветку.

– Да, это была наша лодка, – медленно ответила Кэролайн. – Не могу поверить, что Кей См купил ее и набрался наглости, чтобы появиться на ней здесь. Мой отец сойдет с ума, когда увидит. Кейт тоже. И Эшли... – Кэролайн покачала головой. – Плохо, очень плохо.

– Почему?

– Слишком много воспоминаний. Я должна рассказать об этом отцу и сестрам. – Она приподнялась с места, но тут же снова опустилась на стул. – Я не хочу им говорить.

– Почему?

– Потому что это будет больно. У меня не хватит духа принести папе такую весть, – призналась Кэролайн.

Тайлер недоверчиво поднял бровь.

– Пирсинг – три колечка в ухе, татуировка на плече, кругосветка, и тебе слабо снова испытать немного боли?

– Это не та боль... – Кэролайн нахмурилась, глядя на минеральную воду в стакане. – Мне надо выпить.

– Я сейчас закажу. – Тайлер поднял руку, подзывая официанта.

– Подождите, – поспешила остановить его Кэролайн.

Тайлер опустил руку и вопросительно посмотрел на нее.

– Не надо выпивки, надо бы поесть для начала. Интересно, когда наш столик будет готов?

– Сейчас уточню. – Тайлер приподнялся, но Кэролайн жестом остановила его.

– Я сама. Столик заказан на ваше имя?

– На мое.

Тайлер проводил ее глазами, отметил, что она сделала крюк по залу, обходя бар. А когда она оглянулась, он прочел отчаяние в ее взгляде.

«Неужели у Кэролайн проблемы с алкоголем? Она сказала, что не хочет спиртного, потом передумала. И официант, когда Кэролайн попросила принести ей минеральную воду,

казалось, удивился. В общем-то, это могло ровно ничего не значить, но в ее поведении явно что-то не то», – подумал он.

Как репортер, Тайлер привык чутко улавливать детали и считывать информацию буквально «из воздуха», ведь самое главное скрыто не в том, о чем говорит человек или что он делает, а в обратном – чего он не говорит и чего не делает.

«Грустный поучительный опыт отца-алкоголика у Кэролайн всегда перед глазами, так что, вполне вероятно, и у нее могут быть серьезные проблемы со спиртным. Стоит проверить это. Марк, несомненно, захочет об этом узнать. – Тайлер поднес стакан пива к губам. – Кажется, охота на семейство МакКенна предстоит захватывающая».

Удивившись позднему звонку, но все же открыв дверь, Кейт обнаружила на крыльце своего дома Кэролайн. В сгуставшихся сумерках море успокоилось, затянуло свою старинную колыбельную. Было почти девять вечера. Кейт уловила запах спиртного и тяжелых вечерних духов, но не подала вида, хоть немного необычно было видеть у себя младшую сестру. Вообще-то такого аншлага давно не было. Она не приглашала никого из семьи этим вечером, но неожиданно прибежала Эшли, а теперь на пороге с виноватым видом стояла Кэролайн. Пока Эшли заваривала на кухне чай, Дункан громко храпел в гостиной.

– Ты говорила с ним, так ведь? – сразу догадалась Кейт.

– Откуда мне было знать? Обыкновенный парень без таблички «Я репортер» на груди. Он даже не представился, – принялась защищаться Кэролайн, едва войдя в прихожую. – Где папа?

– Ты что не слышишь?

Кэролайн заглянула в гостиную. Отец спал на диване, раскинувшись на мягких подушках.

– У него какой-то несчастный утомленный вид. И лицо красное.

Кейт проследила за взглядом младшей сестры и заметила то, что и Кэролайн, и даже больше. Не только осунувшееся лицо и покрытые красными прожилками щеки, но и тонкую, почти прозрачную кожу на исхудавших руках. Отец всегда был большим и сильным, гораздо крепче многих мужчин, но он таял на глазах, словно изображение на старой фотографии. И она не знает, что предпринять, как остановить этот разрушительный процесс.

– Мы должны что-то сделать для него, – Кэролайн озвучила мысль Кейт.

– Например?

– Не знаю... Так жалко его, что сердце разрывается. Мне не хочется видеть его таким.

Отец всегда был кумиром Кэролайн, даже когда пребывал не в самой лучшей форме, хотя Кейт делала все возможное, чтобы оградить Кэролайн от неприятного зрелища. Возможно, она совершала ошибку. Но Кейт настолько вжилась в роль старшей сестры, что не могла сдержать материнский инстинкт защитницы.

– Пойдем на кухню. Эшли привезла свое шоколадное печенье и готовит чай.

– М-м-м-м... Звучит заманчиво – я голодная, как волк.

– Ты хочешь сказать, он не угостил тебя обедом? – подколола Кейт, шагая следом за Кэролайн по коридору на кухню.

– Кто не угостил тебя обедом? – поинтересовалась Эшли, не отходя от кухонного стола, где она медленно наливала чай в чашки. – Привет, Кэролайн. Хочешь чаю?

– Сначала печенье. – Кэролайн схватила печенье с тарелки и села за стол. Откусила и завизжала от восторга. – Сестренка, когда ты только все успеваешь? Фантастика! Клянусь, если бы ты не стала фотографом, то могла бы стать прекрасным шеф-поваром.

– Все, что я умею, это печь шоколадное печенье и заваривать чай, – призналась Эшли. – Маловато для профессионального шеф-повара.

– А твои знаменитые блинчики с черникой или фаршированная индейка? – напомнила Кейт сестре. – Ты, как всегда, слишком скромничаешь.

– В отличие от тебя, – бросила Кэролайн.

Кейт дернула за нос младшую сестру, чтобы осадить ее, а та в ответ высунула язык – обе покатались со смеху. «Как хорошо, господи! Давненько мы с сестрами не собирались вместе». – У Кейт потеплело на душе. Эшли передала ей чашку чая, потом села за стол и приготовилась слушать.

– Так кто не угостил тебя обедом, Кэролайн? – вернулась она к прерванному разговору. – Не тот ли незнакомец, с которым ты собиралась встретиться?

– Ты знала? – удивилась Кейт. – Ты знала, что она встречается с Тайлером Джеймисоном, и не остановила ее?

– С Тайлером Джеймисоном? Репортером, о котором ты мне только что рассказала? – в замешательстве переспросила Эшли. – Это с ним ты отправилась на обед?

– Совершенно верно.

– Но зачем?

– Понятия не имею. Я предупредила ее, чтобы она держалась от него подальше.

– Эй, вы обе, передохните, – вмешалась в диалог сестер Кэролайн. – Да, я встретилась с репортером в ресторане, и да, я там поела, но вы сами знаете, я всегда готова поесть еще. Прежде чем вы спросите, отвечаю: я не сказала ему ничего. Поэтому остыньте. Есть новостки поважнее. «Мун Дансер» продана Кей Си Уэллсу, и он намерен участвовать на нашей лодке в гонках в Каслтоне, а потом на Гавайях. Этот негодяй должен появиться здесь до понедельника.

Эшли схватила рукой за сердце.

– Кей Си Уэллс? О боже!

– Папа будет потрясен. – Кэролайн потянулась за еще одним печеньем. – Ты должна рассказать ему, Кейт.

– Почему я?

– Ты самая старшая, самая ответственная, самая разумная, – перечислила Кэролайн, загибая пальцы на руке.

– С каких это пор? – изумилась Кейт. – Разве не я всегда была у тебя властной, самоуверенной, деспотичной?

– И это правда, – согласилась Кэролайн. – Но у меня «подмоченная» репутация папиной дочки, а ты знаешь, он никогда не принимает всерьез то, что я говорю. И Эшли не может, потому что... ну, она просто не может, и все тут.

– Я могу, – возразила Эшли, но тут же быстро добавила: – Но было бы лучше, если бы папа услышал новость от тебя, Кейт. Ты всегда знаешь, как правильно сказать.

И снова сестры смотрели на нее, ожидая, что и сейчас она играючи справится с задачей. Похожая сцена повторялась много раз в прошлом – Кэролайн ест шоколад, Эшли грызет ногти, а Кейт мучительно ищет решение очередной проблемы. Обнадежить их, успокоить, настроить на лучшее – она хотела дать им ответ, но подобрать подходящие слова было очень трудно.

Была бы жива мама, уж она знала бы, что делать! Элеонора понимала каждую из своих дочерей, и каждой от нее перешло что-то в наследство: чувствительность – к Эшли, страстность – к Кэролайн, чувство справедливости – к Кейт.

Но сейчас вся ответственность легла на плечи Кейт, ведь она обещала матери, что будет защищать сестер, присматривать за отцом. И теперь Кейт поступит, как велит ей долг, как всегда.

– Забавно поворачивается жизнь, раз – и прошлое возвращается и кусает за задницу, – заметила Кэролайн.

– Интересно, «Мун Дансер» все такая же? – тихо спросила Эшли. – Сохранились ли мамины занавески в капитанской каюте?

– Я бы хотела понять, зачем Кей Си купил лодку, – вздохнула Кейт. – Он ведь знает – папа и без того ненавидит его.

– Вряд ли это его волнует, – фыркнула Кэролайн. – Его всегда больше интересовала победа, чем дружба.

– Не всегда. – Кейт покачала головой, смущенная и расстроенная подобным поворотом событий. Кей Си когда-то был другом семьи, потом стал непримиримым врагом. «Интересно, кто он им теперь?»

– Я говорила вам, что Шон тоже вернулся? – спросила Эшли. – Мы виделись внизу на причале. Он собирается участвовать в гонке в Каслтоне. Теперь, когда я узнала, что и «Мун Дансер» тоже, мне это не нравится еще больше. Смотрите, у меня даже мурашки по коже.

– Ты слишком худая, поэтому у тебя «гусиная кожа», – возразила Кэролайн. – Чему тут удивляться? Все знали, что Шон когда-нибудь вернется. Здесь его семья.

– Разумом я это понимаю, конечно, но не готова снова с ним общаться.

– Ты никогда не будешь готова, – поддела сестру Кэролайн.

– Давайте сейчас оставим Шона в покое, – прервала их пикировку Кейт, зная, что Эшли и Кэролайн никогда не сойдутся во мнениях. – Что ты сказала Тайлеру Джеймисону о нас, Кэролайн?

– Я сказала ему, чтобы он оставил нас в покое. Но...

Кейт досадливо поморщилась.

– Пожалуйста, давай без «но».

– Послушай, почему ты решила, что он хочет навредить нам? Папа, я думаю, не прочь снова оказаться в центре внимания. Появилась бы причина вставать по утрам с кровати. Вдруг эта публикация изменила бы его жизнь к лучшему?

– Конечно, перевернет его жизнь с ног на голову. Ты на самом деле думаешь, будто статья о семействе МакКенна пошла бы нам на пользу? – Кейт не дала Кэролайн ответить и продолжила: – Как ты думаешь, если папа поговорит с Тайлером, что он ему расскажет? Что наплетет этот дорогой нам всем человек, мечущийся во сне, как наяву, временами почти теряющий рассудок? Это безумие.

– Ты права, Кейт, – согласилась Эшли. – Мы не можем позволить репортеру влезать в нашу жизнь. Помимо нас, это затронет слишком много людей, например, Шона. Я знала, что ветер принесет беду. Носом это чувствовала.

– Я тоже, – кивнула Кейт.

– А я нет. Когда я ощутила, как он весело лохматит мою макушку, то возликовала: это будет грандиозный ветер, потрясающая буря, – засмеялась Кэролайн. – Вы обе забыли, как надо жить. Когда-то мы были бесстрашными и предприимчивыми. Господи, да ты ли та Кейт, которая без страха забиралась на верхушку мачты? Эшли, ты ныряла, как дельфин, ловкая и беззаботная, одержимая желанием достать до дна моря. Что с нами случилось?

– Ты сама знаешь, – многозначительно сказала Кейт.

– Не уверена, что на самом деле знаю. Мы никогда не говорили...

– И мы не будем обсуждать сейчас, – прервала ее Кейт. – Мы не можем. Слишком многое поставлено на карту. Ты не права, у нас теперь есть все, чтобы жить спокойно. Не опасной жизнью, полной приключений, теперь у нас надежная твердая почва под ногами. Так хотела мама.

– Мне мало иметь почву под ногами, на острове я задыхаюсь – хочу большего. И вы тоже должны хотеть, – упорствовала Кэролайн.

«Не об этом ли совсем недавно мечталось и мне», – подумала Кейт, слушая младшую сестру. В ее книжном магазине появился Тайлер Джеймисон, и адреналин хлынул в кровь,

превращая ее в жидкий огонь, да с такой силой, что она едва справилась с собой. Никогда с ней такого не случалось.

– Странно, почему этот журналист появился в городе именно сейчас? – размышляла вслух Эшли. – Это не десятая годовщина гонки. Почему он заинтересовался нами? И для какого издания он пишет?

– По его словам, он вольный художник, – ответила Кейт. – Он говорил мне, что люди интересуются гонками на яхтах, а мы привлекли его внимание тем, что не вписываемся в традиционные формы парусного сообщества. В этом есть свой смысл. Я знаю биографии многих популярных гонщиков – эти удивительные люди, достойные восхищения, действительно *другие*. Но у меня дурные предчувствия. Инстинкт самосохранения подсказывает – он ищет что-то конкретное.

– Я тоже так думаю, – кивнула Кэролайн. – Уж больно ловко у него выходит! Подловил меня в салоне, сразу пригласил на обед, не раскрывая своего имени, что наводит на мысль: этот парень совсем не прост, выработал стратегию и играет в какую-то игру. Чертовски умело играет! Такой очаровашка сумеет обольстить девушку.

«И еще он сексуальный», – подумала Кейт. Но это неважно. Никакой мужчина, как бы ни был он обаятелен и хорош собой, не сможет поставить под угрозу спокойствие ее семьи. Надо его переиграть, противопоставить ему неоспоримые аргументы.

– Если никто из нас ничего не расскажет, репортеру нечего будет писать и он уберется отсюда, – сказала она решительным тоном. – Мы должны держаться вместе, защищать друг друга, как обычно. Договорились? – Кейт подошла к столу и взяла сестер за руки.

– Мы не дети, – заныла Кэролайн, но покорно сунула ладонь в руку Эшли, замыкая привычный круг.

– Один за всех, – сказала Кейт.

– И все за одного, – откликнулись Эшли и Кэролайн.

Сестры крепко сжали руки. В прошлом их единство помогло преодолеть немало трудностей. Если повезет, они выстоят и против одного весьма настырного репортера.

Было уже начало одиннадцатого, когда Тайлер наконец вынул из кармана телефон. Еще не слишком поздно для звонка. Марк всегда был ночной совой. Если потревожить его утром, он сердито взревет, совсем как пожарная сирена или голодный гризли. Но после девяти часов вечера его братишка всегда полон жизни и готов идти на вечеринки и тусовки, по крайней мере, так было в прежние времена. Жизнь Марка изменилась после автомобильной аварии, случившейся всего месяц назад.

Тайлер хорошо помнил тот тревожный звонок. Он в это время был в гостиничном номере в Лондоне, куда приехал по случаю правительственного саммита – встречи на самом высшем государственном уровне. Телефон зазвонил среди ночи, но прежде, чем ответить, он уже знал: плохие новости. От первых же слов, прозвучавших в трубке, у него остановилось сердце: «Ваш брат попал в аварию. Приезжайте как можно скорее».

От шока в первые мгновения он онемел, заметался по комнате, рванул ручку чемодана, чуть не оторвав, в мозгу билась отчаянная молитва: «Пожалуйста, Боже, пусть все будет хорошо». Когда дар речи вернулся к нему, он перезвонил в апартаменты брата и спросил о судьбе Сьюзен и Амелии, жены и восьмилетней дочери Марка. Ему ответили, что Амелия жива. Сьюзен умерла по дороге в больницу. Марк в операционной, хирурги борются за его жизнь.

Часы, в течение которых он добирался из Лондона в Сан-Антонио, были самыми длинными часами в жизни Тайлера. Пока холодный серебристый самолет распростер свои крылья и скользил над океаном, безутешный Тайлер дал Богу миллион обещаний, которые только мог придумать, он клялся в горячке, молил Его сохранить брату жизнь. «Амелии

нужен отец, чтобы помочь ей пережить трагическую смерть матери. Ты обязан выжить, чтобы вырастить свою девочку. Я не могу потерять брата. Не теперь, когда мы только начали снова сближаться» – непрерывный внутренний монолог отчаявшегося странника, растерявшего мужество в дороге. Поэтому он молил Бога о чуде, угрожал, и смиренно плакал, и обещал сделать все возможное для Марка и Амелии. «Господи, я буду сам отвечать за них перед Тобой». Он и представить не мог, куда это обещание заведет его, какое это тогда имело значение?

– Алло? – отозвался Марк.

– Как дела, братишка? – Тайлер намеренно заговорил бодро, стараясь придать голосу привычное звучание.

– Да не ахти как, – ответил Марк, не пытаясь поддерживать его тон.

– Что случилось? – встревожился Тайлер.

– Лучше скажи-ка мне, что не случилось? Есть новости? Шелли сказала, ты нашел сестер МакКенна. Ты поговорил с кем-нибудь из них?

– Да, я говорил с двумя, старшей Кейт и младшей Кэролайн. Кейт управляет книжным магазином и, похоже, руководит всей семьей. Она умная, ответственная, осторожная, скрытная. Кэролайн – настоящий фейерверк, импульсивная, упрямая, хочет, чтобы ее воспринимали всерьез, и недолюбливает старшую сестру. Я еще не разыскал Эшли.

– Они что-нибудь рассказали?

– Еще нет. Они не хотят рассказывать о гонке или о себе. Все будет труднее, чем я ожидал. Видел их отца, Дункана. Он был в стельку пьян. Кейт вызвали из бара по телефону, и она поехала за ним. Мне показалось, что это не в первый раз. Судя по всему, у Дункана большие проблемы с алкоголем.

– Неважно. Меня интересует не он, а его дочери. Вернее, одна из них... – Голос Марка сорвался от чувств, переполнявших его. – Амелия – все, что у меня осталось. Я обещал Сьюзен. Когда она умирала, Тайлер, то была в сознании и все прекрасно понимала. Бедная моя, я все еще вижу страх в ее глазах: понимаешь, она боялась не за себя, а за меня и Амелию.

– Я знаю, Марк, – сказал Тайлер сдержанно. – Ты не потеряешь Амелию. Поверь мне.

– Я тебе верю, Тайлер. Но это чертовски сложное дело даже для тебя, большой брат.

«Да, а я тот еще большой брат, – с горечью подумал Тайлер, когда волна боли и сочувствия накрыла его. – Столько лет жизни младшего брата прошли мимо меня?»

– Ложись спать, – сказал он грубовато. – Я позвоню тебе, как только что-нибудь узнаю. Я не собираюсь развозить сопли и сдаваться и тебе не советую. Независимо от того, какие преграды выстроят сестры МакКенна на моем пути к правде.

4

Утро выдалось на редкость ясное и безмятежное. Разбуженная солнцем и криком чаек, Кейт в одной ночной сорочке вышла из спальни. Ей в глаза сразу бросился плед, валявшийся на полу в гостиной. Отец исчез. Встав с кровати и умывшись, она собиралась предложить ему чашку кофе, накормить завтраком и строго-настрого предупредить, чтобы он не разговаривал с Тайлером Джеймисоном. Но Дункана уже след простыл. Он всегда вставал с первыми лучами солнца, неважно, с похмелья он был или нет. Скорее всего, сейчас он на пути к своей лодке или, возможно, сразу направился «поправить здоровье» в «Устричный бар», собираясь начать день с «Кровавой Мэри».

Она подняла плед и вдохнула запах отцовского лосьона после бритья. Muskusный аромат напомнил о детстве, этот запах навсегда в ее подсознании соединился с образом высокого человека-скалы, с объятиями его сильных рук. Когда-то Дункан был ее героем, ее защитником, ее идеалом. Кейт хорошо помнила, как сидела на полу у ног отца, а он рассказывал о своих приключениях. Его слова уносили девочку в другой мир. В дивном мире ее фантазий сплетались запах моря, плеск волн, хруст песка. Она дрожала всем телом от порывов воображаемого ветра, когда слушала его – тихо, восторженно, взхлеб, – никогда не прерывая, потому что отец был особенный. Когда она была совсем маленькой, он надолго уезжал из дома, нанимался на рыбацкие лодки, на чартерные суда – зарабатывал на жизнь. Частые отлучки превращали его появление дома в настоящий праздник. «Это время папино, дочка, но он отдал его нам. Цени его как драгоценное сокровище», – часто говорила мать.

«Он всегда сам распоряжался своим временем – таковы все мужчины. Но именно тогда, – думала Кейт, – папа стал воспринимать безоговорочную преданность семьи как должное. Когда мама умерла, ответственность и забота об отце легли на меня, старшую дочь. Я готовила и убирала, по-матерински опекала сестер, пыталась сделать жизнь отца размеренной, привычной. Я поддерживала его решения, в том числе и самое важное, из-за которого они ушли в море на долгие три года. Как жаль, что я поверила, будто папа знает лучше, как нам жить».

Повзрослев, Кейт поняла, что на самом деле отец не знает, как лучше и что лучше, и они поменялись ролями. Дункан стал ребенком, а она – его родителем. Она не стремилась к такой роли, но не могла ничего изменить. Ей хотелось невозможного – однажды он проснется и снова станет человеком-скалой, отцом, способным слушать и советовать, смеяться и плакать вместе с ней. Кейт мечтала, что однажды он придет к ней в книжный магазин и скажет, что гордится ею. Но Дункан не стал таким отцом.

Да, гордиться ею он мог, но только в том случае, если речь шла о парусном спорте. Остальная часть жизни Кейт – ее интересы, чувства, амбиции никогда не представляли для него никакого интереса. Если они не затрагивали его жизнь, он их просто не замечал.

Иногда Кейт ненавидела отца за это. Но в общем она любила его. До сих пор в ушах стоял голос матери: «Твой отец – особенный человек. Тебе очень повезло, малышка». Ах, мамочка, зачем ты так рано ушла? Мне так еще о многом надо поговорить с тобой, столько всего спросить...

Кейт вздохнула, отнесла плед в подсобку, где у нее стояли холодильник и стиральная машина, и сунула в корзину с грязным бельем, чтобы потом постирать. Конечно, с отцом нелегко. Но в данный момент отец – не самая важная из навалившихся на нее проблем. Репортер наверняка будет поджидать ее у магазина, так что нужно тщательно подготовиться к встрече, продумать все до мелочей.

Когда Кейт вернулась на кухню, взгляд ее упал на ноутбук, стоявший на столе. Вчера вечером она так и не открыла его, пора бы уже приняться за собственное расследование.

Она включила комп и, пока он загружался, налила себе чашку кофе. Войдя в Интернет, ввела в строку поисковика имя Тайлера Джеймисона. Если он не врет, то, несомненно, его статьи должны быть опубликованы. Любопытно, где именно.

Ответ не заставил себя ждать: многостраничный обвал, материалы посыпались на нее как из рога изобилия.

Тайлер Джеймисон сообщает из Сомали для журнала «Тайм»...

Точка зрения Тайлера Джеймисона на события в Кашмире, Индия...

Новости японской королевской семьи, Тайлер Джеймисон, «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт»...

У Кейт отвисла челюсть, когда она читала строчку за строчкой. Не может быть, чтобы незнакомец оказался этим самым репортером. Иностраннный корреспондент, который освещает военные события, чьи материалы печатают все национальные журналы, – такой репортер не станет писать о парусной гонке в Пьюджет-Саунд.

Что-то тут не так. Определенно не так.

Либо какой-то самозванец выдает себя за Тайлера Джеймисона, либо репортер приехал в Каслтон не для того, чтобы описать давно прошедшую парусную гонку.

«Может быть, где-то есть его фотография», – подумала Кейт, торопливо открывая один сайт за другим. От этого увлекательного занятия ее отвлек звонок в дверь. Кейт напряглась, направляясь к двери, предчувствуя недоброе, и инстинкт ее не подвел.

На пороге стоял Тайлер Джеймисон. Он, видимо, встал совсем недавно, потому что волосы были еще влажными, а лицо свежевыбрито и пахло душистым мылом. Его глаза уже не казались такими усталыми, как накануне. «Вспомнишь солнце – вот и лучик... У него невероятные глаза, гораздо темнее, чем мои, удивительного оттенка синих глубоких вод океана. Господи, пусть он не окажется таким же опасным, как морская стихия», – подумала Кейт и решительно потянула дверь на себя.

– Доброе утро. Не хотите ли полакомиться рогаликами? – Тайлер показал ей белый бумажный пакет. – Не знаю, как вы, но мне лучше думается на сытый желудок.

– Надеетесь подкупить меня едой? – насмешливо парировала Кейт.

– А это сработает?

– Входите, – пригласила она. – Как вы меня нашли?

– Остров не так уж велик, Кейт, и вы удивитесь, но все слышаны об очаровательной хозяйке книжного магазина. Вы не против, если я буду называть вас по имени?

– Это имеет значение?

Вместо ответа он улыбнулся ей.

– Вы готовы к интервью? Помнится, вчера вы сказали, что мы можем поговорить сегодня.

– Да, но я просила, чтобы вы пришли в магазин, а не ко мне домой, – Кейт не хотелось капитулировать перед ним.

– Здесь более уединенно. – Тайлер вошел в гостиную и огляделся.

Она постаралась взглянуть на комнату глазами постороннего человека: просторная уютная комната, выдержанная в пастельных тонах, пухлые белые диваны, ковры на деревянном полу, изящные настольные лампы, фотографии на стенах.

Это ее убежище, крепость, и она не собирается извиняться за то, как тут все выглядит. Годы, проведенные на паруснике, когда ей пришлось качаться на волнах или бороться со шквальным ветром, зародили тоску по собственному жилищу. И она смогла создать свой дом с садом и деревьями, корни которых ушли глубоко в землю острова.

– Красивые пейзажи, – задумчиво произнес Тайлер.

Кейт проследила за его взглядом и увидела, что он рассматривает цветные фотографии на стенах – горные склоны, долины, цветы и деревья.

– Вам не нравятся пейзажи?

– Нравятся. – Он обернулся и внимательно посмотрел на нее. – А где море, маяки, лодки?

– В нескольких километрах вниз по дороге, – сухо ответила она.

– Их незачем развешивать на стенах?

– Незачем. – Она встретила его взгляд прямо, не отводя глаз. – Вы удивлены?

Тайлер кивнул.

– И этим тоже. Так вы намерены побеседовать со мной, Кейт?

– Можно и поговорить. – Она еще не знала, как вести себя с ним. Более того, прошлой ночью она грезилась о Тайлере Джеймисоне: впервые за долгое время мужское лицо, но не лицо Джереми, явилось ей во сне. А вдруг она еще не готова к тому, чтобы этот человек снился ей или появился в ее доме?

Тайлер подошел к камину и принялся изучать портрет, висящий над ним.

Это была любимая картина Кейт. Женщины семейства МакКенна – мать и три дочери. Парадный портрет был специально заказан профессиональному художнику, местной знаменитости, и стал подарком ко дню рождения отца. Тогда Кейт было четырнадцать лет, Эшли двенадцать и Кэролайн десять. Она помнила, как отец бережно разворачивал полотно, как глаза его светились любовью, радостью и гордостью. Он схватил жену в могучие медвежьи объятия, закружил ее по комнате, пока та, смеясь, не запросила пощады.

Потом он подхватил Кейт и вальсировал с ней, потом сделал то же самое с каждой из сестер. В тот день дом МакКенна наполнили радостный смех и любовь.

– Ваша мама? – спросил Тайлер, привлекая к себе ее внимание.

– Да.

– Вы на нее похожи.

– Я всегда думала, что Эшли больше всех из нас похожа на маму, – возразила Кейт.

– Я еще не встречался с Эшли.

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Что случилось с вашей матерью? – поинтересовался Тайлер.

– Она умерла от рака, когда мне было семнадцать лет.

– Сочувствую. Примите мои соболезнования. Мне очень жаль. – Голос его звучал вполне искренне.

– Мне тоже.

– Она ходила в море?

– Да, но не любила удаляться от острова: так пару-тройку раз обходила его и не более того. Она была художником и дизайнером. Мама занималась дизайном парусов не ради денег, а чтобы порадовать друзей. Она была скорее путешественницей в мире своих фантазий, чем покорительницей морской стихии в реальности.

Кейт вздохнула, чувствуя, как ее накрывает с головой волна печали и ностальгии, которые никогда не исчезнут полностью из ее жизни. Прошло столько лет после смерти матери, но Кейт все еще мучительно скучает по ней.

– Знаете, я хотела бы показать ей свой книжный магазин. Он бы ей понравился. – Кейт резко оборвала себя, вспомнив, с кем разговаривает.

– Пожалуйста, продолжайте. – Тайлер бросил на нее заинтересованный взгляд. – Нам не обязательно быть противниками или врагами. Не знаю почему, но у меня такое чувство, будто вам не хочется видеть меня здесь. Вам не терпится выпроводить меня как можно быстрее. Я только не знаю почему.

– Кто вы на самом деле? – спросила Кейт, решив поменяться с ним ролями. – Вы не пишете материалы об океанских гонках даже мирового класса. Вы пишете о военных кон-

фликтах и мировой экономике. Ваше имя мелькает на страницах крупнейших национальных изданий. Я думаю, вы даже получили одну-другую премию по журналистике.

Его глаза сузились, в них промелькнуло злорадство.

– Вы все-таки навели обо мне справки?

– Разве нельзя? – вопросом на вопрос ответила Кейт. – У вас есть что скрывать?

– Вовсе нет. Я просто не привык к тому, что сам становлюсь объектом изучения.

– Итак, объясните мне, мистер Джеймисон, почему человеку, который привык находиться в самых горячих точках мира, вдруг захотелось воссоздать старую историю парусных гонок, которая не вошла в анналы истории и не отличалась особой динамикой или происшествиями?

– Опять-таки, я думаю, вы недооцениваете уровень интереса читающей общественности к вашему опыту и роли подвига в жизни обычных людей. Но, чтобы ответить на вопрос искренне, скажу вам коротко: я захотел поменять темп жизни. Несколько лет я работал как раб на галерах. Носился как подорванный по всему миру в поисках справедливости, но после того, как увидел столько крови, страданий и боли, понял – если не отойти от этого, то нетрудно лишиться разума.

– Могу себе представить, – пробормотала она.

– Нет, не можете.

Тайлер произнес это жестко, давая ей понять, что не шутит.

– Простите, я не думала, что это прозвучит вот так...

– Почему бы нам не поговорить о вас? – Тайлер подошел ближе, и даже незначительное вторжение в ее личное пространство заставило Кейт трепетать и почувствовать себя слабой женщиной.

Мужчины и отношения с ними занимали в жизни Кейт очень скромное место. Она очень рано сосредоточилась на семье, обустройстве собственного дома, бизнеса, изредка отвлекаясь на друзей. Казалось, этого ей вполне достаточно. Но сейчас, рядом с этим мужчиной, стоявшим так близко, она осознала свое заблуждение. Его теплое дыхание касалось ее лица, его губы словно целовали ее на расстоянии и притягивали к себе как магнит.

Кейт смущенно откашлялась, чувствуя звенящую пустоту в голове, и отступила на шаг. «Очнись, детка! Репортер Тайлер Джеймисон берет у тебя интервью. Он приехал за материалом для статьи – вот что главное. Ты для него не женщина, а источник информации. В конце концов, ты не безмозглая малолетка, чтобы расплыться как кисель от первого прикосновения», – внутренний голос всегда действовал на нее отрезвляюще.

Кейт опустила на край дивана, приглашающим жестом указала на соседнее кресло.

– Что вы хотите узнать? – спросила она.

– Когда ваша семья решила на кругосветную гонку?

– Это не было общее решение семьи. Отец принял его за нас. После того как умерла мама, мы как-то потерялись. Папа всегда был моряком. В молодости он служил на флоте, участвовал в гонках, потом устроился работать на чартерах вокруг Пьюджет-Саунд, там они познакомились с мамой и поженились. Он всегда чувствовал себя на воде более комфортно, чем на суше. Понимаете, не мог усидеть на месте, стоило его ногам коснуться земли, как его начинало колотить, бросать в жар, и он вновь хватался за чемодан, – только мама, единственный человек в мире, могла удержать его на острове. Когда она ушла из жизни, отец не находил себе места. Да и теперь вряд ли нашел.

– Похоже, он любил ее.

– Да, любил. Очень сильно. Они были такие разные. Мама понимала его так, как я, конечно, никогда бы не смогла. – Кейт помолчала, погруженная в воспоминания. – Так вот. Отец никогда не занимался домом, а когда овдовел, схватился за первую же возможность вырваться на свободу – решил утопить свою горе в океане, отправившись с нами в плавание.

– Так вот как вы отправились в море? Что дальше?

– Сначала мы просто плыли. Почти шесть месяцев. Потом подошло время короткой гонки, мы участвовали и в ней. После нашей первой победы папа хотел все новых – его поведение было похоже на манию, лихорадку. Поначалу он и нас увлек мечтой о больших гонках. Мы были несколько ограничены в возможностях, наша лодка не такая маневренная и мощная, как яхты гоночных синдикатов. Но отец был полон решимости выиграть кругосветную гонку. Кубок Уинстона пришелся на промежуток между парусными гонками Уайтбред и Кубком Америки. Это был другой тип гонки, в ней могли участвовать любители и профессионалы, допускались лодки разных классов. В экипаже должно быть не больше шести человек. Там было еще полно других условий, по которым можно и встроиться в гонку, и вылететь из нее, прочитайте об этом, если хотите подробностей.

– Но вас было только четверо. Почему ваш отец не захотел пополнить экипаж парой здоровенных парней?

Кейт улыбнулась, услышав знакомые слова. Многие предполагали, что они брали дополнительных членов экипажа. В первых сообщениях о гонке предсказывали, что Мак-Кенна закончат состязание последними, если вообще сумеют его закончить.

– Мы были вымуштрованы не хуже заправских матросов, все делали очень хорошо и слаженно, – не без гордости заявила она. – Я думаю, мы доказали, что вполне способны выиграть соревнование и без двух богатырей.

– Хорошо. – Тайлер очень боялся вспугнуть Кейт своим напором. – Что произошло с лодкой после того, как вы вернулись домой? Я слышал, она теперь принадлежит кому-то другому.

– Да. Мы продали ее после возвращения.

– Почему?

Кейт на миг задумалась, подгадывая, как ответить, чтобы ее ответ не повлек за собой другие вопросы.

– Приблизительно по той же причине, что и вы сменили тему своих статей. Одна значительная часть нашей жизни закончилась, – сказала она наконец. – Нам понадобились деньги на нечто более важное.

– На что именно?

– Да так. На разное.

Тайлер постучал носком ботинка по полу.

– Хорошо. Скажите мне, как вы будете себя чувствовать, когда ваша лодка придет в гавань в понедельник?

– Откуда вы это знаете? – резко спросила Кейт, но тут же вспомнила о его встрече в ресторане с сестрой. – Ах да, понятно. Вы виделись с Кэролайн вчера вечером.

– Да.

– Зачем вы пригласили ее?

– Надеялся, что она окажется податливей вас, – честно признался Тайлер.

– И она оправдала ваши надежды?

– Вы уже знаете, что нет. Она была уклончива, как и вы, хотя ее речь гораздо ярче и колоритнее.

Кейт знала, что это правда. Кэролайн всегда могла приложить обидчика, а цветистое ругаться ее учили в юности матросы, так что теперь она могла заткнуть за пояс любую «сухопутную крысу».

– Что еще вы хотите узнать? – спросила она, взглянув на свои часы. – Мне пора собираться на работу.

– Вы когда-нибудь хотели выйти из гонки?

– Да. Но отец был одержим желанием добраться до финиша. Когда мы ступили на этот тернистый путь, никто не знал, что нас ждет. Но никто и ничто не могло его остановить.

– Я думаю, именно поэтому вы выиграли гонку, – предположил Тайлер.

– Хотя в этом мы единодушны.

Воспоминания жестоко ранили ее. Слишком много заключено в той части ее жизни невероятной радости, ужасной боли.

Внезапно поднявшись, она сказала:

– Ну, что ж. Мы закончили.

– Мы только начинаем, – возразил Тайлер, тоже вставая с кресла.

– Если вам нужна еще какая-то информация, пойдите в библиотеку, – посоветовала она.

– Ну, что вы заладили... Я-то думал, лед сломан.

Он улыбнулся, желая смягчить ее настроение, но это не сработало. Боль не отпустила, скрутила Кейт, заставляя вернуться в прошлое.

Неожиданно Тайлер протянул руку и коснулся ее лица. Оно запылало огнем от этого легкого прикосновения.

– Отчего столько боли в ваших глазах? – тихо спросил он, пристально всматриваясь в ее лицо.

– Ничего подобного. Вам показалось. – Кейт хотела отвернуться от него, но не могла разорвать возникшую между ними связь. – Вы изучаете меня?

– Вы изучаете меня, – пробормотал он.

Несколько мгновений оба молчали.

– Это был мужчина? – спросил Тайлер.

– Что? – Оказавшись в плену своей столь бурной реакции на его близость, Кейт потеряла нить разговора.

– Это из-за мужчины вам так больно?

– Нет-нет, – она ответила слишком быстро, чтобы это могло быть правдой.

– Что-то случилось с кем-то из сестер во время гонки? – выдвигал одну за другой версии Тайлер.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что после смерти матери вы опекали девочек, были их защитницей. И если больно им, больно и вам, Кейт. Я прав?

Она испытала облегчение, когда разговор перешел на сестер.

– Я старшая, – ответила она. – Я делаю то, что должна.

– Могу это понять.

– Вот и хорошо. Не расспрашивайте моих сестер, Тайлер. Это будет большая ошибка.

Тайлер устремил на нее долгий, изучающий взгляд. Она восприняла его молчание как согласие.

– Значит, мы понимаем друг друга. – Кейт повернулась, собираясь выпроводить его из комнаты, но Тайлер удержал ее за руку.

– Не так быстро.

Не страх был причиной дрожи, пробежавшей по спине, а невероятное, неодолимое притяжение, но Кейт не могла допустить этого человека ближе, потерять контроль. Она не должна позволить себе увлечься им, довериться ему. У нее есть семья, которую она обязана защищать, не говоря уже о собственном сердце.

– Мы не закончили, – заметил Тайлер.

– Возможно, но я не доверяю вам. Не верю, что вы здесь из-за нашей простой истории.

– А я не верю, что ничего не случилось во время той гонки.

– Думайте что хотите, – резко сказала она. – Я ничего не выиграю от разговора с вами.

– Может быть, ничего не выиграете, но я подозреваю, вам есть что проиграть.

Тайлер понятия не имел, как много... И Кейт отчаянно надеялась, что он никогда этого не узнает.

Прежде чем она успела ответить, в дверь снова позвонили. В ее доме редко бывали посетители, но с вечера они что-то зачастили, и в эту минуту она тоже как никогда обрадовалась неожиданному визитеру. Кейт высвободила руку из его руки.

– Пойду открою дверь.

На пороге стояла Эшли.

В ее глазах метался страх, длинные спутанные волосы упали на лицо и на плечи.

– Я не могу это сделать, Кейт... Я не могу ступить в эту проклятую лодку. Ветер стих, но я все еще чувствую его, он слишком сильный, – торопливо заговорила Эшли, едва войдя в прихожую. – Если я не буду фотографировать экипажи, мистер Конвей кому-нибудь передаст этот заказ, а мне очень нужны деньги. Но я не могу подняться на борт! Что со мной такое? Почему я должна все время бояться? – Она в отчаянии взмахнула рукой так, что сумочка упала, и ее содержимое высыпалось на пол. – Черт побери! Я ничего не могу сделать как следует...

– Доброе утро, Эш. Успокойся, милая, – мягко сказала Кейт и положила руку на плечо сестры. – Все будет хорошо.

– Нет, нет и нет! – Эшли резко остановилась, увидев Тайлера, который присел на корточки, помогая собрать содержимое сумочки. – Кто вы?

– Тайлер Джеймисон, – ответил он, встал и отдал сумочку Эшли. – А вы, должно быть, Эшли.

– Репортер? – Эшли в замешательстве перевела взгляд с Кейт на Тайлера. – Ты разговариваешь с журналистом? Но ты сказала...

Кейт строго взглянула на Эшли, предупреждая, чтобы та придержала язык.

– Я сказала, что он очень настойчив. Это так и есть.

– Да-да, – закивала Эшли. – Прости, что я прервала вас.

– Это, должно быть, тоже из вашей сумочки, – сказал Тайлер, протягивая Эшли флакон с таблетками.

– Спасибо, – торопливо поблагодарила Эшли, засовывая таблетки в сумочку. – Мне надо идти.

– Не спеши, Эш. Останься, давай я напою тебя чаем. Это мистеру Джеймисону уже пора. – Кейт бросила на Тайлера колющий взгляд, вынуждая его покинуть дом. Ей нужно пообщаться с Эшли наедине.

– Все в порядке. Я ухожу, – сказал Тайлер. – Было очень приятно встретиться с вами, Эшли. Мы вернемся к нашему разговору позже, Кейт.

– Разумеется. – Кейт закрыла за ним дверь и повернулась к сестре: – Ну-ка, объясни толком, что тебя так расстроило.

– Экипаж одной лодки настаивает, чтобы я фотографировала их прямо на палубе. Два раза я уже отговорила, но потеряю заказ, если не сниму их так, как они хотят. – Эшли в отчаянии качала головой. – С каждым днем мне все трудней, Кейт. Как глупо. Я жила на лодке три года, а теперь не могу побыть на ней двадцать секунд. Раньше думала, что страх со временем пройдет, но он стал еще сильнее, чем восемь лет назад. Как будто каждый день отталкивает меня еще на один шаг назад. Когда мы вернулись, помнишь, я даже отправилась в путешествие на несколько дней. Я нервничала, но я это сделала. Потом каждый раз после выхода в море мне хотелось вернуться на сушу как можно скорее. А теперь я даже не могу войти в чертову лодку...

Кейт видела смятение и боль в глазах сестры, ей отчаянно хотелось, чтобы все снова стало нормально, но страх глубоко сидел в Эшли, гораздо глубже, чем считала Кейт. В последние месяцы она убеждала себя, что у Эшли дела идут все лучше, что она чувствует

себя хорошо. Легче было поверить, что теперь они все в порядке, делать вид, будто прошлое не доставляет никому из них мучений.

Но совершенно ясно, что Эшли нужна помощь врача, поэтому притворяться незачем.

– Хочешь, чтобы я пошла с тобой? – предложила Кейт. – Как думаешь, это поможет?

– Я не могу просить тебя об этом, – сказала Эшли, но в ее глазах стояла мольба, поэтому Кейт не отступала.

– Даже не говори, одеваюсь и иду с тобой. Я хочу помочь тебе. Все будет хорошо, вот увидишь. Мы справимся вместе, ты нащелкаешь снимков и сама не заметишь, как все закончится.

– Я такая идиотка... Кетти...

– Нет, ничего подобного.

Эшли сделала глубокий вздох, потом медленно выдохнула.

– Вот сейчас я призналась тебе и почувствовала, что смогу это сделать.

– Ты сможешь, не сомневаюсь. Только помни, что лодка никуда не денется, она пришвартована к причалу.

– Знаю, – кивнула Эшли. – Мой страх смешон. Даже если бы лодка оторвалась от пирса, раньше я могла догнать ее вплавь.

– Ты легко могла это сделать, – подтвердила Кейт.

Эшли нехотя улыбнулась.

– Да, могла. – Она помолчала. – Что ты рассказала репортеру?

– Как можно меньше. Я не доверяю ему, Эш. Он преследует какие-то свои цели, но я не представляю, какие именно.

– Все произошло так давно. Я не думаю, что кто-то... Что мы будем делать?

– Проверять его, в то время как он испытывает нас на прочность. Я уже задала поиск в Интернете. Этот парень – крепкий орешек, побывал во всех горячих точках, объехал весь мир, написал обо всем самом важном.

– Звучит не очень-то обнадеживающе.

– Нет, это неважно. Я хотела бы доискаться до причины, почему его одолел внезапный интерес к океанским гонкам, да еще таким давним.

– Если он объехал весь мир, может быть, мы пересекались с ним раньше и просто не помним? – предположила Эшли.

Кейт представила навязчивого темноволосого мужчину с умопомрачительными синими глазами, который только что покинул ее дом, и покачала головой: если бы она когда-нибудь раньше встретила такого парня, то обязательно бы запомнила.

– Если наши пути и пересекались, не думаю, что мы знали об этом. Но это даже интересно – провести собственное расследование и докопаться до правды, что же мистер Джеймисон делал восемь лет назад.

– Как ты думаешь, у тебя получится? – с надеждой спросила старшую сестру Эшли.

– Я бы хотел посмотреть материалы, которые печатались восемь лет назад о победе в кругосветке семьи МакКенна, – сказал Тайлер библиотекарю.

Библиотека Каслтона занимала небольшой двухэтажный особняк в викторианском стиле, столь популярном в Америке: два камина – в гостиной и комнате отдыха, просторный читальный зал, в холле вдоль стен застыли старомодные деревянные шкафы с каталожными карточками. Тайлер вздохнул с облегчением, когда увидел компьютерный класс. Вряд ли библиотека располагала богатыми фондами, но МакКенна были местными жителями, и он надеялся найти здесь о них достаточно материала.

– Ну, это легко, – ответила библиотекарь. – Мы сделали ксерокопии и заламинировали каждую статью, которую смогли найти, поскольку МакКенна – герои родного города. Мы гордимся этим славным семейством. Они были просто великолепны.

Тайлер кивнул.

– Понимаю. – Он пошел следом за библиотекарем в соседнюю комнату.

– Здесь мы храним все, что касается парусного спорта. А это полка отведена материалам о МакКенна, – добавила она, указывая в нужном направлении. – Могу я спросить, почему вас это интересует? События давние.

– Я пишу статью об известных экипажах океанских гонок. Где они, кто они сейчас и как живут.

– Ну, у МакКенна все в порядке, – сказала она, ее глаза заблестели. – Только все три девочки совершенно одиноки. А вы, мистер...

– Джеймисон. Тайлер Джеймисон. Да, я тоже пока не женат.

Если бы женщина, спросившая его об этом, была моложе семидесяти, он, возможно, почувствовал бы себя неловко, но эта прекрасная дама в очках и белой блузе с жабо словно вышла с картины конца прошлого века и явно интересовалась не ради себя.

– Правда? Ну, надо же! Такой красавец... О чем только думают девушки? Будь я помоложе лет на двадцать, сама побежала бы за вами.

– Я бы считал себя счастливым, мэм, – с галантным поклоном ответил Тайлер.

– Вы просто очаровательны. Что ж, я оставлю вас, наслаждайтесь чтением. Дайте мне знать, если что-нибудь понадобится. Меня зовут Шерил Мартин, и я буду здесь до закрытия, то есть до пяти.

– Благодарю вас.

Тайлер снял с полки первую подборку статей и сел за соседний стол. Он уже прочитал какое-то количество материалов об этой гонке, которые нашел в Интернете, но большинство из них сообщали о самой гонке: победители каждого этапа, время гандикапов⁴ и метеосводки. Ничего такого, что помогло бы его делу.

Он открыл первую страницу, прочитал заголовок: «Пятеро гонщиков пропали в море».

Тайлер читал кое-что о сильном шторме, но не обращал на этот факт внимания, поскольку МакКенна прошли через него невредимыми. Сейчас он подумал, а не шторм ли явился причиной некоторых последствий? Эшли, судя по ее словам, испытывает сильный страх перед водой. Он вспомнил флакончик с таблетками, выпавшими из ее сумочки. На этикетке значилось «ксанакс», Тайлер знал, что это сильное успокоительное средство.

Он пробежал глазами статью, но в ней не было никакого упоминания о МакКенна или лодке «Мун Дансер». Вместо этого автор сосредоточился на лодке, которая перевернулась, в бушующем море пропали все, кроме одного человека. Перевернув страницу, Тайлер нашел несколько сообщений о шторме, приводились свидетельства некоторых матросов.

«Ветер так ревел, что, казалось, мы очутились в аду. Волны были высотой в три этажа. Я не мог понять, где я – в лодке или в воде.

Крики о помощи доносились отовсюду. Сигнальные ракеты вспыхивали, будто петарды в День независимости. Нам было уже не до гонок. Мы просто пытались выжить».

Тайлеру нужны были только свидетельства МакКенна. Он хотел знать, что они думали, что чувствовали. Конечно, шторм может спровоцировать боязнь воды, фобию. Может быть, даже тягу к крепкому алкоголю, подумал он, вспоминая Кэролайн и Дункана. Но что насчет

⁴ Гандикап – в многоэтапных спортивных соревнованиях – способ отражения лидерства на предыдущих этапах в более раннем выпуске на старт в последующих. А также способ уравнивания возможностей слабых участников соревнования с более сильными путем предоставления им какого-то преимущества.

Кейт? У нее незаметно каких-то пороков или отклонений. Повлиял ли на нее шторм или сама гонка? Он должен это узнать. Марк рассчитывает на него.

Может быть, Кейт догадалась и каким-то образом уже связала его с Марком? Впрочем, это маловероятно. У них с братом разные фамилии, поскольку отчим усыновил Марка. Но она покопалась в Интернете. Что еще придумает Кейт?

Тайлер покачал головой. Слишком много вопросов и мало ответов. Вторая папка была посвящена окончанию гонки. Он увидел фотографии, сделанные по прибытии «Мун Дансер» в Каслтон, большинство из которых ему уже попадались прежде.

Он еще раз сверил все данные и обнаружил, что МакКенна вернулись в Каслтон спустя неделю после официального окончания гонки. Чем, интересно, вызвана такая задержка? Может, МакКенна просто приплыли домой, отдали свою лодку и попрощались с парусным спортом навсегда? По словам Кейт, так и произошло. Он вглядывался в лица девочек на старом снимке, которые словно марионетки деревянными ручками махали с борта лодки, совершенно измученные, что естественно, ведь гонка длилась одиннадцать долгих месяцев. Но было еще что-то происшедшее за это время, о чем никто не хотел говорить.

Он перевернул страницу и нашел фотографию Эшли и молодого человека. Подпись гласила: «Шон Эмберсон приветствует возвращение домой своей школьной подруги Эшли МакКенна». Эмберсон? Не так ли звали одного из мужчин, пропавших в море во время шторма?

Тайлер вернулся к статье о шторме, выискивая имена пяти пропавших моряков. Последним в этой пятерке был Джереми Эмберсон. Брат бойфренда Эшли? Интересная связь. Шон Эмберсон, похоже, был человеком, близким к семье МакКенна, особенно Эшли. Если Тайлер не получит ответы на интересующие его вопросы от сестер МакКенна, придется допросить их друзей.

5

– Готова? – спросила Кейт, заметив, как напряглась Эшли перед тем, как ступить на борт яхты. – Они ждут тебя.

– Спасибо, что пришла со мной. Я знаю, тебе надо быть на работе, – сказала Эшли.

– Все нормально, – успокоила сестру Кейт. – Суперответственная Тереза справится в магазине не хуже меня. Хотя я не люблю признаваться в этом. Ты же меня знаешь – жесткий контроль от начала до конца.

Эшли кивнула, но Кейт видела, что сестра не слушает ее. Разум ее младшей боролся с непосильной задачей: выбирает между разумом и инстинктом, между добром и животными страхами, правдой и ложью. Кейт печально смотрела на сестру: «Раньше была такая искрометная, смелая, бесшабашная девчонка, а теперь она сражается с воображаемыми монстрами».

– Я пошла, – жалобным шепотом эти два слова были сказаны для Кейт.

Эшли сгруппировалась, крикнула одному из членов экипажа, что идет на борт. Энергичный мужчина средних лет пришел той на помощь, участливо протянув худышке сильную руку, так что она, вступая в лодку, почти не спотыкалась.

Кейт наблюдала за работой сестры со стороны и про себя отмечала, что ей удастся сдержать свой страх, несмотря на бескрайнюю водную гладь, окружившую лодку со всех сторон. С камерой в руках она становилась совсем другим человеком, уверенно отдавала указания экипажу, где стоять и куда смотреть.

День выдался прекрасный, под стать утру. Штормовая ночь унесла всю пыль, небо яркое, блестящее, синее, вода призывно сверкала на солнце. Всюду так много цвета – ослепительно-белые паруса на лодках, разноцветные благоухающие розы в горшках, вот уже несколько столетий украшавшие дома вдоль набережной, от них произошло и ее название – Роуз-Харбор.

В воздухе ощущалось весеннее волнение, и внезапно Кейт охватила безудержная радость, которая горячей волной разлилась по венам. Ах, как хочется жить! В эллингах стоят лодки, но их паруса, как крылья только что родившихся бабочек, готовы расправиться и взлететь над бескрайней водной гладью. Местные бары заполнены веселыми гонщиками, набравшими экипажи.

На мгновение Кейт, непонятно почему, охватила странная тоска. Она давно повернулась спиной к этому миру. И нисколько об этом раньше не жалела. Она не скучала по прежней жизни. Ни секунды. Вернее, вот до этой секунды. Она знала, как быстро исчезает волшебство, как может измениться ветер, как гонка способна превратиться из дружеской конкуренции в беспощадную схватку одержимых. Посреди океана случается всякое. Море поглотит лодку, и никто не узнает об этом. Любимые могут сгинуть в море навсегда.

Кейт повернулась спиной к воде, пытаясь подавить внезапно подступившую тошноту, хлюпающую в заложенных ушах. Она напрасно пришла сюда. Следовало остаться в безопасности дома или в книжном магазине. Боже, как ей плохо. Сейчас она на себе испытала тревогу Эшли.

– Кейт?

– Шон... – пробормотала Кейт, отворачивая посеревшее лицо и кусая губы, чтобы к ним прилила кровь. – Привет! Эшли сказала, что ты вернулся.

Она засунула руки в карманы брюк. Кейт всегда чувствовала себя неловко рядом с Шоном, тем более когда он вырос и превратился в мужчину, лицом, жестами и даже походкой напоминавшего ей Джереми.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Я пришла вместе с Эшли. – Кейт кивнула в сторону лодки, на которой сейчас работала сестра.

Он понимающе кивнул и расплылся в сердечной улыбке.

– Ах, так эта чертовка в лодке. Я думаю, это солнце придало ей храбрости.

Кейт отвернулась. Каждая черточка его карих глаз ей была до боли знакома.

– Все в порядке. Я знаю, что напоминаю тебе брата, – заметил Шон тихо. – Думаю, именно поэтому ты избегаешь меня.

– Да нет, ничего такого, Шон, что ты, – проговорила Кейт, заставляя себя встретить его взгляд.

– Всем МакКенна гораздо легче, когда меня нет рядом.

– Эшли сказала, что ты приехал в Каслтон на гонки.

– Я думал об этом много раз. Я смотрю на гонщиков, они напоминают мне Джереми – молодые, безрассудные, готовые сорваться куда глаза глядят. Помнишь первые гонки в Каслтоне, в которых участвовал Джереми?

– Я... я не уверена.

– Ему было четырнадцать, но он солгал и сказал, что ему восемнадцать лет. К тому времени, когда мои родители узнали о его участии в гонке, он уже пересек половину Пьюджет-Саунд. Таким он был бесстрашным. Я так им восхищался.

– Почему ты хочешь участвовать в гонках, Шон? – спросила Кейт, пытаясь прочитать ответ в его глазах, но не смогла. – Почему ты хочешь сделать это, зная, что причинишь боль своим родителям?

Он на мгновение замялся.

– Потому что я тоже хочу знать. Мне нужно на собственной шкуре прочувствовать то, что испытал Джереми. Не могу позволить ему уйти, пока не узнаю, какими были скалы и небо, дно и рифы, когда он их видел. Родившись на острове, я никогда не удалялся от берега больше чем на пару миль. Хочу открыть глаза и оказаться на расстоянии двух или трех дней пути от берега, от земли.

– Одиночество и страх. Все вокруг необъятное и дышит ненавистью – волны, ветер, небо. Я никогда не ощущала себя такой маленькой, беспомощной, незащищенной.

– Джереми описывал это иначе. Он рассказывал, как стремительно лодка перекачивается по волнам, ветер поет свои песни, а брызги в лицо заставляют чувствовать себя живым.

Шон повторял слова Джереми с такой интонацией, что у Кейт перехватило дыхание. То же самое Джереми шептал ей на ухо, а она чувствовала, как ветер ласкает обнаженную кожу. Тогда она чувствовала, что ей становится труднее дышать, она подчинялась легкому приятному возбуждению и хотела, чтобы любимый гладил не только ее плечи и руки. Когда его нежные руки обвили ее тонкую талию, ей вдруг стало щекотно, и Кейт счастливо рассмеялась, когда услышала: «Родная, слушай. Ветер поет нам песню».

– Мне надо идти, – поспешно сказала Кейт, вырываясь из плена воспоминаний. Сестра, похоже, в полном порядке, а продолжать разговор с Шоном не обязательно. – Ты мог бы передать Эшли, что мне нужно вернуться в магазин?

– Не убегай, Кейт. Я сейчас ухожу.

– Не надо...

– Надо. Ты не любишь говорить о Джереми. Никто не любит. – Глаза Шона потемнели от гнева. – Отец не упоминал его имя несколько лет. Иногда я заставлял маму за тем, что она рассматривала фотографию Джереми, но как только кто-то входил, прятала карточку. Может быть, поэтому я не могу позволить брату исчезнуть без следа.

– Это было так давно, Шон.

– Знаю. Каждый год начинается с того, что я снова решаю куда-нибудь уехать. Меняю места, но это не помогает. Повидал столько городов – не сосчитать. Единственное место, где я не был, это посреди океана, там, где умер Джереми.

– Там нет ответов на твои вопросы, – покачала головой Кейт. – Их нет нигде.

– Я знаю, что произошел несчастный случай. Мой брат Джереми готов был и даже любил рисковать. Мне говорили это миллионы раз, Кейт. Но, черт возьми, от этого мне не легче. – Он нервным жестом провел рукой по волосам. – Как я могу отступить и не попроситься с ним? Поверь мне, я пытался.

Кейт хотела бы найти для него ответ, но слова не шли на ум. Урезонить скорбящего очень трудно, но она заметила, как Шон смотрел на Эшли, и увидела лишнее подтверждение словам юноши. Нет, изменить свое мнение он не может, и Эшли тоже. На его лице было написано такое неприкрытое желание и сочувствие, что у Кейт больно сжалось сердце.

– Прости, – пробормотала она.

– Тебе не за что извиняться. Это моя проблема. Я разберусь сам. – Шон стремительно отошел, словно пожалев, что остановился и затеял этот разговор.

Эшли перебралась на причал и подошла к сестре.

– У меня получилось! – воскликнула она, облегченно вздохнув. – Ты видела? Я сделала это.

Кейт улыбнулась, ее сестренка заслужила свою победу в сражении с демоном, видеть гордость на лице Эшли было приятно.

– Я верила в тебя, дорогая.

– Это был Шон? – уточнила Эшли.

– Да.

– Он, кажется, не в себе.

– Да, точно сказано, – согласилась Кейт. – Хочет участвовать в гонках, чтобы пройти по стопам Джереми. Его родители, должно быть, вне себя, но есть надежда, что он передумает. Отправься он хоть на край света – это ведь ничего не разрешит и не изменит. И уж, конечно, не воскресит Джереми. – Она умолкла, пристально глядя на Эшли. – Он все еще влюблен в тебя, Эш.

– С чего ты взяла? Ничего подобного, – отвергла ее слова Эшли. – Он сказал мне, что у него полно подружек.

– Конечно, и именно поэтому он здесь один-одинешенек, бродит по берегу и даже собирается плыть на край света, – усмехнулась Кейт.

– Мы с ним стали совсем чужими. Перебросились парой слов вчера вечером, и все. Прошло много лет с тех пор, как мы общались и вместе проводили время. Все, я не хочу говорить о нем, – поставила точку в разговоре Эшли.

– Хорошо. Так или иначе мне пора на работу.

– Почему сейчас? – вдруг спросила Эшли.

– Потому что я ушла на половину дня.

– Я не об этом. Ты поняла, почему именно сейчас? С какой стати на нас свалился этот репортер? Зачем Шону наниматься в экипаж и преследовать призрак Джереми? Что случилось, Кейт? Небеса, что ли, разверзлись и наказывают нас?

Она выдержала долгий вопросительный взгляд сестры.

– Хотела бы я знать. Если и дальше так пойдет, пожалуй, безопасней вернуться на воду... – пошутила она.

– Знаешь, какие кошмары мне снятся уже несколько недель подряд? – с тоской спросила Эшли.

– Мне не снятся. В открытом море не только акулы были основной нашей заботой.

Кейт вспомнила про акул несколько часов спустя, когда незадолго до закрытия Тайлер вошел в книжный магазин. Темно-синий свитер, надетый на рубашку поло, в точности повторял цвет его глаз. Внешний вид Тайлера должен был располагать к себе, но его манера двигаться, смотреть на нее заставили Кейт вспомнить об опасных хищниках, круживших время от времени близ лодки. Они сопровождали их в течение всего путешествия: подплывали совсем близко, на время исчезали, потом снова всплывали. Никогда нельзя было утверждать, что они ушли. Никогда нельзя было сказать с полной уверенностью, что эти рыбы и другие обитатели моря не нападут, даже если их не провоцировать.

Кейт научилась уважать акул так же, как уважала море. И хотя она слишком плохо знала Тайлера, чтобы испытывать к нему подобные чувства, но у нее было ощущение, что гораздо опаснее его недооценивать.

– Кейт, добрый вечер. Вот я и вернулся, – заявил Тайлер. Глаза его вызывающе блестели, когда он подходил к прилавку.

– Не сомневалась. – Кейт возилась с бухгалтерскими документами. – Что же вам нужно теперь?

– Удовольствие от вашей компании.

– Да-да, конечно, – недоверчиво усмехнулась она. – Думаю, у вас появились дополнительные вопросы.

– Несколько, – подтвердил Тайлер.

– Может быть, я смогу подсказать вам более интересную тему для статьи, чем моя семья, – предложила Кейт.

– Хорошо, давайте. Что, например?

– Микки Дэвис мне рассказывал, что в прошлом году видел русалку у берегов Флориды.

– После того, как много выпил? – спросил Тайлер с иронией. – Хорошая попытка, но я не пишу ни о чем подобном.

Кейт потеряла за ухом карандашом, подумала еще секунду.

– Владелец гоночной яхты «Салли МакГи», которая заняла третье место в нашей гонке, только что женился в шестой раз. И представьте себе, его первую, третью и шестую жену зовут Салли.

Тайлер прыснул смехом, но сдержался.

– Вы только что придумали это.

– Это не выдумки, клянусь! Он сказал, что Салли для него счастливое имя.

– Сомневаюсь, если он женился шесть раз.

– Любопытная точка зрения. Почему бы не развить ее? – улыбнулась Кейт.

– Расскажите мне о шторме, – требовательно сказал Тайлер.

Румянец спал с лица Кейт, отчего лоб и скулы показались ему прозрачными.

– О шторме? Вы имеете в виду прошлую ночь? По прогнозам синоптиков, на нас вылилось около месячной нормы осадков.

– Перестаньте юлить, словно морской конек, вы знаете, что я имею в виду. Самый роковой момент гонки – день, когда разыгрался шторм, который едва не отправил всех участников гонки на дно моря.

– Почему вы хотите об этом знать?

– Потому что мне нужно.

– Хорошо. – Кейт помолчала, погрузившись в воспоминания. А потом сказала: – Это было ужасно. Огромные волны, ветры злующие, как монстры. Я не могу найти подходящих слов, чтобы описать, что творилось вокруг. Казалось, на нас надвигается товарный поезд. Но мы боролись – и выстояли. На самом деле больше мне нечего сказать. – А сама подумала: «Или, по крайней мере, ничего другого тебе из меня выудить не удастся».

– Кто-нибудь пострадал?

– Синяки и шишки, не более того.

– Что бы вы делали посреди океана, если бы кто-то оказался ранен? – продолжал расспросы Тайлер.

– У нас была хорошая аптечка, как положено. Папа знает, как оказать первую помощь, достаточную для того, чтобы добраться до ближайшего порта.

– Ваш отец опытный человек. И вы тоже. Я все еще не могу взять в толк, как три юные девушки смогли справиться с лодкой такого размера. Вы что-то не очень похожи на мускулистых амазонок.

– Мы с сестрами хорошо знали морское ремесло. Вы не поверите, конечно, но мы научились плавать тогда же, когда и ходить. Некоторые дела требуют больших физических сил, но мы старались на совесть и справлялись хорошо. Мой отец настоял на том, чтобы мы упражнялись вязать узлы и складывать снаряжение с самого раннего детства. Некоторым детям читают сказки на ночь, а мы тренировались – приседали, отжимались, качали пресс, делали упражнения с отягощениями.

– Похоже на рабство, – заметил Тайлер.

– Ну, папа подбадривал нас как мог, развлекал, когда мы тренировались.

– Чем же?

– Сказками о море, о парусном спорте. В его рассказах всегда были герои – мужественные, решительные, физически и духовно сильные. Они вдохновляли нас. Отец учил, как следует использовать ум и тело, чтобы совершить, казалось бы, невозможное. Именно это мы делали во время гонки и добились восхитительных результатов.

– Слышу нотку гордости в вашем голосе?

Она вздохнула, ей хотелось бы сказать «нет».

– Я думаю, можно себе позволить немного.

Тайлер задумчиво изучал ее.

– У вас с отцом сложные отношения?

– Мягко сказано.

– И никто из вашей семьи с тех пор не участвовал в гонках. Не могу не спросить почему.

– Те одиннадцать месяцев, кажется, промелькнули слишком быстро, вместили столько впечатлений, что хватило бы на целую вечность, не говоря уже о двух годах жизни под парусом до гонки. Одного раза для хрупких девушек вполне достаточно, Тайлер.

– Вы впервые назвали меня по имени. – Он склонил голову. – Пожалуй, мне это нравится. Дает надежду, что мы идем на сближение.

– Ну, я бы на особую доверительность и откровенность на вашем месте не рассчитывала, пока не начну называть вас Тай.

– Буду иметь в виду. А теперь как насчет ужина?

Кейт отрицательно покачала головой. За пять минут разговора с ним она так завелась, что и думать о еде противно.

– Нет, спасибо.

– Почему?

– Я не хочу обедать с вами, потому что устала с вами говорить. Не хочу притворяться и прятаться и в то же время абсолютно не горю желанием обнаружить неосторожно раскрытую мной информацию опубликованной в каком-то журнале через несколько месяцев.

– Хм... Так, значит, не горите... Ну что ж... Сдаюсь! Предлагаю перемирие и торжественно клянусь исключить всякие записи во время нашей приватной беседы, – подняв смиренно руки, предложил Тайлер.

– Я не дуручка. Ни одному профессиональному журналисту не удавалось избежать такого соблазна и сдержать данное обещание, и уж тем более такому, которому удалось взять интервью у Фиделя Кастро.

Тайлер усмехнулся.

– Опять копались в моем «грязном белье»?

– Сведения о вас нетрудно найти в Интернете. Судя по ним, вы ведете весьма кочевую жизнь. Вам не кажется, что можно посидеть немного дома? Где ваш дом, кстати?

– На такой вопрос я с радостью ответил бы за ужином, – улыбнулся Тайлер.

– Мне ваше предложение неинтересно, – поспешно ответила она.

– А если я расскажу вам о моей татуировке?

– Какое мне дело до вашей татуировки?

– На ней женское имя.

Глаза Кейт расширились. Пришлось признаться себе, что ей не чуждо любопытство.

– В самом деле? Вытатуировано женское имя? Надеюсь, хозяйка этого имени все еще присутствует в вашей жизни?

Тайлер покачал головой.

– Ошибки молодости. У меня есть еще несколько других в... довольно-таки интимных местах. Если вы угостите меня выпивкой, я могу поведать вам и о них.

– Купить вам выпить? – Кейт хихикнула. – Вы определенно платежеспособны.

– Так, значит, мы идем на ужин?

Казалось, Тайлер был чрезвычайно доволен тем, как ему удалось повернуть разговор.

– Выпьем по стаканчику – и домой, – ответила она тоном, не терпящим возражений.

– Ладно, думаю, я легко смогу найти девушку поговорчивее, которая не будет дрожать и привередничать, а согласится продегустировать меню здешнего ресторанчика. – Он сделал паузу. – Может быть, попрошу Шона составить мне компанию.

Шон? Как он узнал о Шоне? Не то чтобы Шон был какой-то их личной тайной. Но, черт побери. Она не хотела, чтобы Тайлер говорил о ее семье со всем городом и чтобы он расспрашивал родителей Шона об их сыновьях.

– Вы не знаете Шона, – сказала она.

– Я слышал, они с Эшли были влюблены друг в друга с детства. Ведь это он одним из первых встретил ее после окончания гонки. Кроме того, я видел их фотографии.

– Если это самое ценное, что вы обнаружили в ходе своего журналистского расследования, то, я думаю, ваша репутация сильно переоценена.

Он рассмеялся.

– В самую точку. Кейт, пожалейте меня и поужинайте со мной. Мне необходимо интервью «лицом к лицу».

– Хорошо, ваша взяла. Мы ходим в ресторан вместе. Но чтобы как-то развлечься, предлагаю сыграть в викторину: ответив на любой вопрос о моей личной жизни, я потребую откровенного и правдивого ответа на такой же вопрос с вашей стороны.

– Договорились. Я покажу вам свою татуировку, вы можете показать мне... – Его взгляд прошелся от лица Кейт к ее груди.

– Ничего, – перебила она, застенчиво скрестив руки. – Я вам ничего не покажу.

Улыбка Тайлера стала шире.

– Печально. Итак, когда мы встречаемся?

– Через час. «Фишмен» – очень хороший ресторан. Это в конце центральной улицы. Я могу встретиться там с вами в шесть часов. – Она махнула рукой на дверь. – Чем быстрее вы уйдете, тем скорее я смогу закончить дела и присоединиться к вам.

Тайлер отошел от прилавка, но задержался у двери.

– Вы из категории каких женщин – которые пунктуальны или даже приходят раньше времени? Или из тех, кто всегда и всюду опаздывает?

– Что бы вас взбесило больше всего? Неважно. Не отвечайте. Я знаю.

– Нет, не знаете.

– Знаю, – сказала Кейт со смехом. – Вы типичный «Альфа» – настойчивый, энергичный, амбициозный, упрямый и абсолютно всегда приходите вовремя. Никогда не появляетесь раньше, потому что не хотите тратить время попусту на ожидание. Это означает, что женщина, потратившая час в ванной на прихорашивание, сведет вас с ума.

– Но вы к их числу не относитесь. – Тайлер пожирал ее глазами. – Вы старший ребенок в семье, очень ответственный. Вы умная, решительная, настоящая защитница, и вы терпеть не можете проигрывать. Опоздание означает проигрыш, значит, что вы не попали куда-то вовремя, а это совершенно недопустимо. Увидимся в шесть.

Кейт открыла было рот, чтобы сказать, что это гнусная ложь, но за спиной ее пронизательного обидчика уже заливисто хихикнул колокольчик.

Тайлер вышел из магазина в превосходном расположении духа. Он чувствовал прилив энергии и не от того, что в конце дня подул бриз или что его взору открылся замечательный вид на гавань, – дело в другом. Эта задиристая хозяйка магазина, которая то смущалась и краснела, а то вдруг принималась настаивать на своем, заставила его почувствовать всю полноту жизни. Он не мог вспомнить, когда в последний раз обычный разговор с женщиной возымел над ним такое действие. Тайлер лишь надеялся, что Кейт придет на ужин.

Хотя он, может быть, ошибается и их влечение не взаимно, тогда рано расслабляться, как бы не оступиться, излишне доверяя ей.

Мелодичный звонок сотового телефона прервал цепочку размышлений, Тайлер вынул его из кармана, но не особенно обрадовался, увидев номер брата на экране.

– В чем дело?

– Именно это я и хочу узнать. Что происходит? – В голосе Марка слышались нетерпение и раздражение. – Ты обещал позвонить сегодня.

– День еще не закончился.

– Терпеть не могу ждать. Расскажи мне последние новости. Пожалуйста.

– Ну, сегодня я видел Эшли, – ответил Тайлер. – Она очень напряженная, встревоженная. Таскает в сумочке успокоительные лекарства. Кроме того, она, кажется, испытывает сильный страх перед водой, что, согласись, странно, учитывая место и образ ее жизни, а также опыт занятий парусным спортом.

– Согласен, – сказал Марк, надежда слышалась в его голосе. – А как насчет Кейт?

– Сегодня вечером я с ней обедаю. Мне бы хотелось ускорить ход дела, но, если я раскрою свои карты, кто знает, к чему это приведет?

– Так-то оно так. Но ты не можешь медлить, Тайлер. Сегодня я по электронной почте получил письмо от Джорджа, к которому он приложил послание Стива Уотсона, адвоката из Сиэтла. Мистер Уотсон заявляет совершенно уверенно, что Джордж не по правилам оформил усыновление на Гавайях восемь лет назад, и грозит задать некоторые вопросы. В частности, его интересует, как проходил процесс оформления документов и все ли благополучно с ребенком.

– Черт. События развиваются стремительно.

– Я тоже так думаю. Видишь, не прошло и года, а он уже нашел Джорджа. Сколько времени ему понадобится, чтобы он разыскал меня и Амелию?

– Джордж сдержит свое слово и не скажет ему, – обнадежил брата Тайлер.

– В таких делах невозможно не оставить следа. Не Джордж, так кто-то другой. И вот я валяюсь в кровати – одинокий инвалид, безработный. Черт, работа – последняя из моих

проблем. После очередных попыток сдвинуться с места убедился, что не могу ходить. Но это не имеет значения, потому что я готов вообще послать всех к черту и лишиться обеих ног, только бы у меня не отняли мою дочь. Остается только молиться и надеяться. Извини, но ты обязан нам помочь, Тайлер. Я верю, ты докопаешься до правды, даже если ее придется выжигать из сестричек каленым железом. Мне нужно выяснить, которая из сестер МакКенна – мать Амелии.

– Не волнуйся. Я все понимаю. – Тайлера охватило отчаяние. Он слышал хрипы и стоны своего брата в трубке и мечтал, чтобы всего этого не было, чтобы Марк не загонял себя в угол и не давил на него.

Восемь лет назад Марк и Сьюзен буквально потеряли голову от счастья, когда их адвокат Джордж Мерфи появился на пороге их особняка с новорожденной девочкой на руках и документами в кармане. Обезумевшие новоиспеченные родители улыбались и кивали головами, как китайские фарфоровые болванчики на ярмарке выходного дня. Они постарались окружить девочку заботой и вниманием: бесчисленные кружевные детские вещички и погремушки, бутылочки и смеси, консультации у лучших специалистов по поводу проблем с кормлением, первыми зубами и даже пустячными простудами – Сьюзен мечтала стать отличной мамой. Тогда они не задавали слишком много вопросов. Несколько лет подряд до этого они безуспешно пытались пройти многочисленные проверки служб социальной опеки, найти и усыновить здорового ребенка, и тогда Амелия явилась для них даром от Бога. «Правда, Джордж Мерфи получил за этот «подарочек» солидное вознаграждение», – с циничной усмешкой вспомнил Тайлер.

Если бы брат был в добром здравии и мог обсудить эту тему хладнокровно, Тайлер задал бы ему немало вопросов. Например, почему на документах нет подписи матери, отказавшейся от своих прав на ребенка? Единственное, что было известно усыновителям, – ребенка родила одна из сестер МакКенна, потому что на шее малышки был медальон, на задней стороне которого было выгравировано «Нора МакКенна», а внутри кулона сохранилась фотография матери Кейт, портрет которой он видел в ее доме. Элеонора МакКенна определенно была бабушкой Амелии. К сожалению, все остальное было окутано туманом тайны. Можно предположить, что Дункан передал ребенка доктору на Гавайях и, конечно, хорошенько заплатил ему за молчание. Именно это время совпадало с последней остановкой в той кругосветной гонке. Но что удивительно, одна из сестер МакКенна родила во время плавания – и нет абсолютно никаких записей о рождении, ни одной фотографии беременной девушки на борту лодки, ничего.

– Ты должен найти биологическую мать Амелии прежде, чем она найдет меня, – добавил Марк. – И когда ты найдешь ее, делай что хочешь, но любыми способами дискредитируй эту женщину. Если это Эшли, можно предъявить ей обвинение в злоупотреблении сильными психотропными веществами или получить заключение о психических проблемах, которые не позволят ей быть матерью, или сделай что-нибудь, что даст нам хоть какие-то козыри в руки.

– Да ведь Эшли может и не быть ее матерью.

– Но это не исключено. Пока мы не знаем точно, надо нарыть как можно больше информации о каждой из этих сестричек, с помощью которой я смогу бороться за мою малышку. Чем больше, тем лучше. Не сомневайся, я сделаю все, чтобы защитить Амелию.

– Я тоже, – пообещал Тайлер. Его племянница уже потеряла свою мать, он не позволит Амелии потерять и отца – их нельзя разлучать. Неважно, как они воссоединились, но им удалось стать настоящей семьей, и, если бы у Тайлера кто-нибудь спросил, он не раздумывая ответил: семьей они и останутся.

6

Семейная фотография проявлялась постепенно – сначала показался отец, потом мать, сын, дочь и, наконец, собака. Эшли завороченно наблюдала за процессом, устроившись на краешке чугунной ванны в ванной комнате, которую она в своей уютной однокомнатной квартирке приспособила под фотолабораторию. Она хорошо поработала сегодня. С причала Эшли отправилась к Харольдсонам – на пикник в Стерн-Грув собралась вся семья, и она не удержалась, сделала дюжину снимков большого клана, а также нескольких семейств, приехавших издалека на выходные. Взрослые веселились как дети и вместе с детьми, играли в волейбол, жарили гамбургеры. Харольдсоны относились к ней как к члену семьи, и она веселилась вместе со всеми. Лесистое местечко Стерн-Грув находится в центре острова – там не видно никакой воды, лишь высокие деревья, густые кусты и широкие поляны, полные благоухающих цветов. Это одно из любимых мест Эшли, она фотографировала его много раз. Однажды они с Шоном там устроили пикник. Должно быть, им было лет по одиннадцать или двенадцать, из снеди для пикника они прихватили только арахисовое масло, бутерброды с джемом, яблоки и печенье с кремовой прослойкой. Эшли улыбнулась. Ах, если бы все воспоминания о прошлом доставляли ей такое удовольствие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.